

A woman with red hair in a blue and white historical dress stands next to a man in armor with a fur collar. The background is a bright, outdoor setting.

О.Шеллина (shellina)

Amaranthe

Сквозь

время

Противоположности

О.Шеллина (shellina)

**Противоположности.
Сквозь время**

«Автор»

2024

О.Шеллина (shellina)

Противоположности. Сквозь время / О.Шеллина (shellina) —
«Автор», 2024

Работая на раскопках, два аспиранта-историка Иван и Екатерина и представить себе не могли, что по воле невольно разбуженных ими древних сил, окажутся в 15 веке, в самый разгар очень непростых событий. Да ещё и в телах Ивана Молодого, сына Ивана III, и Катерины Сфорца, соответственно. В этом времени и местным-то жителям выжить непросто, что уж говорить о представителях 21 века.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Аmaranthe, О.Шеллина (shellina) Противоположности. Сквозь время

Пролог

– Катя-Катерина, маков цвет
Без тебя мне сказки в жизни нет

В омут головою, если не с тобою-ю-ю... – так как Ванька нацепил наушники, то музыки слышно не было, только его подвывания дурным голосом, в котором музыкальности не наблюдалось от слова совсем. К тому же у Ваньки явно были проблемы со слухом, и даже то, что он явно за кем-то подпевал, не делало его вопли более музыкальными.

Катя поморщилась, встала с колен и прогнулась в спине, чтобы хоть немного уменьшить боль, которая терзала ее в течение последнего часа. В гробнице было холодно, и не помогали согреться ни теплая кофта, ни обвязанная вокруг талии теплая шаль. Могильный холод, кажется, пробирал до самых внутренностей, и Кате начинало казаться, что еще немного и она замерзнет насмерть, в тот самый момент, когда этот холод достигнет сердца, и оно остановится, превратившись в осколок льда, и рядом не будет осколков, которые помогут спастись, если из них выложить слово «Вечность».

Девушка посмотрела вниз на керамическую табличку, которая постепенно появлялась под ее напором, и на ней уже начали просматриваться письмена. Катя вот уже несколько часов работала кистью, чтобы очистить надпись, не повредив, возможно, ценную находку. Долгая и кропотливая работа, которая, тем не менее, сделала одно доброе дело – научила терпению, которым, обладающая взрывным характером девушка похвастаться прежде не могла.

– Катюха, зацени, какую я древнюю песню надыбал, – Ванька навис над ее плечом, и Катя увидела, как его цепкий взгляд словно сканером прошелся по появившейся из-под земли табличке, наверное, самой большой находке на этом участке раскопок древнего Двиграда. И этот взгляд: жадный, оценивающий, сдобренный изрядной долей азарта, совсем не сочетался с тем раздолбайством, которое он так старательно демонстрировал окружающим.

– Древность – это вот здесь, а у тебя в наушниках... я даже не знаю, как это назвать, – Катя поежилась. Вместе с холодом в последнее время ее не покидало чувство, что за ними кто-то наблюдает, оценивает каждое их действие, каждое движение, даже эту пуховую шаль, оценивает их самих, словно препарировав, проникая в самую душу. Кто-то могущественный и равнодушно-холодный, безразличный к возне живых людей. Но, несмотря на его равнодушие, ему совсем не нравится, что люди пытаются раскопать останки чего-то древнего и малопостижимого для современного человека, пытаются проникнуть в тайны прошлого, которые, возможно, должны остаться там, в земле и ни в коем случае не извлечены на свет божий.

– Да ты только послушай. Катя-Катерина, эх, душа
До чего ж ты Катя хороша
Ягода-малина, Катя-Катерина... Классно же.

– О, Господи, лучше заткнись, – простонала Катя и снова присела на корточки, взяв в руки кисть, которой она так старательно очищала найденную табличку.

– Я-то заткнусь, но тебе же самой будет скучно, – и Иван отошел от нее к своему сектору, чтобы продолжить очищать фрагмент стены, на котором углядел нечто интересное. Он очищал этот участок уже три дня и вот, наконец, сегодня на ней начали проявляться символы, наполовину стертые, но некоторые вполне читаемые. – А я знал, что здесь что-то написано, – пробормотал он. – Возьми, Ваня, с полки пирожок за старание. Катюха, тебе софит очень нужен?

– Пока нет, можешь разворачивать, – задумчиво произнесла Катя, разглядывая проступившие на табличке знаки. – Ничего не могу разобрать, что это за язык? – Иван развернул штатный софит, направив световой пучок на свой объект, и в Катином секторе сразу же стало темнее.

А еще начали появляться какие-то тени, от которых по и так заледеневшей спине пробежал холодок. Чтобы хоть немного отвлечься от сковывающего по рукам и ногам липкого страха, который внезапно окатил ее с головой, Катя решила поговорить, так как звуки их голов заставляли отступать животный, первобытный и, вроде бы ничем необоснованный ужас туда, к стенам, откуда и появлялись те жуткие тени, заставляющие ее съеживаться, словно она хотела стать в два раза меньше, чтобы они ее не заметили и пролетели мимо.

– Вань, а тебе не обидно, что нас взяли на эти раскопки не потому что мы реально умнее половины нашей группы, а только потому, что мы единственные из аспирантов владеем довольно уникальными древними языками и были готовы работать почти что за еду?

– Да плевать, – пропыхтел в ответ Ванька. – Зато вместе со знаниями уникальных языков, мы нароем кучу уникальной информации для диссера. Да и к Головину можно потихоньку подмазаться, чтобы он у нас бесплатным рецензентом стал. Потому что я не знаю, как ты, может быть, ты богатого спонсора нашла, а у меня лишних денег нет. Хорошо еще, что пока из общаги не гонят.

– Ну, ты-то может и нароешь информацию, а тема моей диссертации Сфорца, времен Сикста IV. И что я могу нарыть по ним здесь, я даже не представляю, так же как не представляю, кого нужно убить, чтобы меня пустили в архивы Ватикана, – фыркнула Екатерина.

– И где же ты так согрешила, что тебе подсунили такую тухлую тему? В итальянцах того времени можно шею свернуть и свихнуться, пытаюсь разобраться, что к чему. Причем, вся инфа зависит только от того, какую именно партию поддерживал летописец. Ты подумай насчет спонсора, мало ли, может найдешь папика, который тебе пропуск в архивы Ватикана купит за красивые глазки, и убивать никого не придется. – Девушка окинула его злобным взглядом, который Ваня так и не увидел. – Да, и не впадай в уныние раньше времени, мы можем наткнуться на что угодно, где угодно, и выдать потом за грандиозную находку, – пробормотал Иван. – Черт, а ведь тут, похоже, как раз твоя тема, зацени, – Катя неуверенно покосилась на Ваньку, бывшего одноклассника, с которым вместе поступила в аспирантуру на исторический факультет родного университета. Он никогда не упускал шанса как-то ее поддеть во время их учебы, и теперь она тоже ожидала подвоха. – Да поднимай задницу, что ты расселась? – выглядел Ванька предельно серьезным. – Или я совсем головой ушибся, или здесь то ли итальянский изображен, в одном из своих ста пятидесяти диалектов, то ли какая-то слишком замудренная латынь.

– Да ладно, итальянский в Двиграде? – Катя встала и, посмеиваясь, подошла к очищенной стене этой, предположительно, гробницы. – Ни хрена себе, точно итальянский. – Едва виднеющаяся надпись была действительно сделана на итальянском. Она часто прерывалась и была неполной, но кое-что ей разобрать удалось. – Это даже не чистый итальянский, а какая-то дикая смесь латыни со словами тосканского диалекта, да еще и флорентийский поддиалект присутствует. – Катя проводила по буквам, складывающимся в слова, пальцем, затаенно в перчатку, и читала, сразу же переводя, оставляя в оригинале лишь те слова, которые сейчас без словарей не смогла перевести. – Быть вираго – позор для женщины... Повторится... Сквозь реку, века, нет-нет, время, точно, время. Анасирмос... повторить, веря в сказку... Уйти, не найдя счастья. – Она закончила и повернулась к Ивану. – Что это такое, что за бред?

– Если подбирать, то... – Иван задумался, затем сказал. – Ну не знаю, что-то вроде: «Если верить в сказку и сквозь время повторить анасирмос, что станет вигаро – позором для женщины, то можно уйти, так и не найдя счастья». Ну, как-то так. Лично я бы так перевел.

– Мне кажется, что ты ошибаешься, – Катя покачала головой. – Скорее тут о том, что, веря в сказки, и сквозь время повторяешь одни и те же ошибки, из раза в раз... и это всегда плохо заканчивается.

– Ну, можно и так сказать, – пожал плечами Иван. – А ты что нашла?

– Да не знаю, вроде старославянский, но не могу разобрать, – Катя протиснулась между стеной и практически навалившимся на нее Ванькой и опустилась на колени перед «своей» табличкой. – Разверни софит, а то ни черта не видно.

Иван кивнул, ловким, отработанным движением развернул софит, направив свет прямо на табличку. После чего сел рядом с Катей, голова к голове.

– Так, посмотрим, – он пробежался глазами по табличке. – Да это старославянский, причем южнославянское влияние, только почему-то без кендемов. Что за чертовщина? – он помотал головой. И снова принялся вглядываться в надпись.

– Что там? – Катя наклонилась еще ниже, пытаясь прочитать слова, но они почему-то плыли у нее перед глазами, буквы прыгали, и не хотели складываться во что-то осмысленное. Славянские письмена не были ее темой, но уж пару то слов она была в состоянии сложить. Так ведь нет, по какой-то причине Катя не могла ни прочесть надпись, ни даже выделить отдельные слова.

– Здесь несколько раз повторяется одна и та же фраза, – растерянно проговорил Иван, вздрогнув, когда ощутил, как его тело пронзил холодный ветер, пробирающий, казалось, до печенки. Но он уже не в первый раз ощущал сквозняки, поэтому попросту проигнорировал еще один. – «Если сможешь, исправь». Все. Только эта фраза снова и снова. Никакого указания на то, что нужно исправить, когда это нужно исправить и каким образом, ничего. Она конечная, понимаешь? Но это противоречит всему, что я знаю о старославянской письменности. Там пока с поллитра воды не нальют, хрен перейдут к сути, здесь же...

Его прервал громкий звук, очень напоминающий взрыв, когда с громким треском взорвалась лампа в софите. Во все стороны полетели мельчайшие осколки и сразу же стало очень темно. Темно и жутко холодно. Катя закричала, поднеся руки к лицу, в которое впились осколки лампы, разрезая податливую плоть. На пол, на злополучную табличку падали капли крови ее и Ваньки, перемешиваясь, затекая в бороздки вырезанных в керамике букв. Иван попытался нашарить в кармане фонарик, другой рукой прижав к себе девушку, пытаясь ее как-то успокоить. Они не успели даже встать, когда укрепленные балками своды подломились и на них рухнул вроде бы державшийся до этого момента прочно потолок. Их так и нашли позже ринувшиеся на помощь остальные члены группы профессора Головина: на полу, девушка была прижата к парню, словно он попытался ее закрыть собой, чтобы защитить от какой-то опасности, а в его руке был зажат фонарик. Горящий фонарик.

Глава 1

Иван

– ...и захотемши княже из Тверьцы предати и возложити хулу на братие, азм ем дати. Пис поганый чинить всяку неправду и задумаша с Литовцем клятым в жинки евойную дочерь взяти...

«Что это? Что, вашу мать, происходит?», – мысли панически метались в голове, пока какая-то не задетая паникой извилина судорожно переводила, что же говорит вон тот борода-тый мужик, восседающий на стуле на небольшом возвышении, словно во главе большого стола, как бы дистанцируясь от всех остальных.

При этом все остальные, к которым относился и я, сидели вдоль стен, повернув к мужику головы и внимали каждому слову, периодически кивая головами в знак согласия. Комната была не то, чтобы большой, и духота стояла в ней такая, что я почувствовал головокружение.

Усугубляло положение весьма плотная одежда, в которую были одеты все присутствующие и, полагаю, я не слишком от них отличался, да смачный, усиленный духотой запах пота, который, казалось, пропитал каждую щелочку этого помещения.

Другое дело, что этой комнаты, словно сошедший с гравюр середины пятнадцатого века, не должно было здесь быть, потому что последнее, что я помню, это падающие нам с Катькой на головы камни в каком-то подвале старинного замка, адский холод, боль и кромешную темноту, которая сменилась так резко... вот этим.

Одно радует, боли я не чувствовал, как и холода. Более того, было так жарко, что хотелось бы пустить чуток прохлады.

А мужик тем временем продолжал говорить что-то про кинувшего его Михаила из Твери, который решил променять благостную Московскую руку на позорную сделку с литовцами, что вообще-то было вполне нормально для времени, на которое указывал здешний антураж.

Если я правильно его понимаю, то речь идет о Михаиле Борисовиче, Великом Тверском князе, который всю дорогу пытался на двух стульях усидеть, на свою голову, и, в конце концов, сделал-таки неправильный выбор, чем немножко сильно взбесил Московского князя.

Тогда получается, что потрясающий кулаком мужик – это Иван третий, которому сильно такой расклад не понравился, и он решил Мишку Тверского примерно наказать, чтобы другим неповадно было. Вот это да, прямо как вживую все происходит, именно так, как я много раз себе представлял. Ничего себе у меня глюки.

Шея затекла, и я весьма осторожно сменил положение тела, стараясь не привлекать к себе внимания. Почему-то вывод о том, что я банально получил камнем по голове и пребываю сейчас в глубокой отключке, лоя вместе с посттравматическими еще и наркотические глюки от всевозможных сложных смесей, льющихся в мою кровь из капельницы, успокоил меня. Ну, конечно же это мне все кажется, иначе и быть не может.

Скорее всего, мой коматозный мозг решил проиграть мне сцены из моей будущей диссертации, чтобы я получше все понял и исправил кое-какие огрехи, если таковые найдутся.

Какая странная игра воображения. И почему бы Ивану не говорить на хорошо понятном мне языке, раз уж это мое воображение рисует все эти картины, чтобы исключить недопонимание?

Но нет, все должно быть достоверно, и я продолжал переводить про себя то, что слышал, хотя, надо сказать, некоторые слова так и остались для меня не понятны, но, вроде бы на общий смысл это не повлияло.

Еще бы словарь находился в отдельной ячейке подсознания, чтобы, как в игре, шелк и нашел непонятное слово. Все-таки непродуманный какой-то глюк, надо было моему подсознанию лучше стараться.

Я даже усмехнулся про себя от собственных мыслей, и, украдкой оглядевшись по сторонам, недоуменно нахмурился. Что-то здесь не так. Я не помню подобных палат в Кремле. А то, что мы находимся в Кремле, подразумевалось самим антуражем, потому что шло заседание боярской думы, и ничем иным данное действие просто не могло быть.

Так, значит, я ассоциирую себя с одним из бояр или окольничих? Как интересно. Да, насчет Кремля, точно, вот дурная башка, раз Михаил Борисович еще крутит... хм... пытаюсь и Ивану угодить и Казимиру, то Кремль только-только решили перестраивать, доводя до вида, вполне мне знакомого. Интересно, а Успенский собор уже рухнул или еще нет?

Черт, какие мысли странные, мне бы послушать, что подсознание в виде восседающего на жутко неудобном даже на вид подобие трона Ивана, которого назовут Великим, говорит, глядишь и диссертацию вытяну приличную. Хотя у меня тема немного другая: «Конфликт Зои Палеолог с Великим князем Иваном Тверским, прозванным Иваном Молодым», а тут дума, куда дам не допускали ни под каким видом.

Или это мое подсознание меня в исторический антураж хочет погрузить, чтобы, так сказать, прочувствовать эпоху? Странно, но вполне объяснимо. Просто я так долго, практически не прерываясь ни на что другое, изучал это время, по крупицам собирая сведения, которых было так мало, и они были так противоречивы, что меня слегка заклинило, вот мозг и сгенерировал картинку Кремля еще до реконструкции.

А сведений действительно было очень мало. Да их до середины жизни самого Ивана третьего вообще практически нет, приходится многое додумывать, и ученые-историки додумывают, правда, каждый свое, и в итоге получается путаница, как, например, с выездом Ивана Молодого из Москвы на Угру и стояние там довольно продолжительное время.

Доподлинно известно, что выехал во главе немалого войска, и что стоял на этой чертовой Угре, а зачем, и почему долго не возвращался, даже после веления отца вернуться – нет. Об этом до сих пор все спорят, но к единому мнению так и не пришли. Ну, да и черт с ними. Послушаем, о чем Иван Васильевич говорит. Может, какую мысль великую перехвачу.

Послушав с минуту и поняв, что ничего пока что не изменилось, князь все так же продолжает крыть едва ли не матом Мишку Тверского, я снова отвлекся на мельтешащие в голове мысли. А все-таки интересно, с кем именно из бояр я себя ассоциирую?

– ...повелеваю! – так, я что-то пропустил? Перевод шел уже синхронно, и я подобрался, чтобы узнать, что там Иван приказывает сделать. – Собрать войско и направить на Тверь. Спросить с разбойника Михаила за его слова, и ежели подтвердятся опасения, что донесены были до моего престола, то взять город в осаду до полной сдачи его. Воеводою назначаю сына моего Ивана, прозванного Молодым.

Сидящие рядом и напротив меня бояре закивали головами, говоря про то, что это дело, и что освободитель Руси от татар – это в общем-то хороший выбор для такого благого дела. Я обернулся, ища глазами Ивана Молодого, и только сейчас заметил, что все, как один, включая самого Ивана третьего, смотрят на меня. Невольно нахмурившись, я повернулся к своему соседу, молодому чернявому парню, который прошептал едва различимо и едва шевеля губами.

– Ну, чего же, княже, садиш, поклонись, благодарение скажи отцу за довершие велико...

Я же в тот момент так растерялся, что с трудом сумел понять, что он говорит. Воздуха, которого и так не хватало, начало не хватать просто катастрофически, вдобавок ко всему мой внутренний переводчик, кажется, совсем отключился, потому что чернявый говорил что-то еще, но понять его я не мог, как ни вслушивался в его шепот, с трудом пробивающийся через гул крови в ушах.

Когда же я, наконец, понял, что происходит то почувствовал, что бледнею, несмотря на стоящую вокруг духоту, потому что происходящее явно выходило за рамки того, что могло произойти в моем воображении.

Я себя отлично знаю и ничего иного, кроме роли стороннего наблюдателя, я никогда не выбрал бы для себя, и мое подсознание это тоже прекрасно осознавало. Но, все смотрели на меня, и делать что-то было нужно, поэтому я поднялся на ноги и тут же чуть не упал, потому что стоять оказалось... непривычно.

Это еще что за фокус? Почему я чувствую, что, если сделаю хоть один шаг, то ноги сразу же подкосятся и я рухну прямо к подножию трона?

Тем не менее, взяв себя в руки, весьма относительно, надо сказать, я открыл было рот, чтобы действительно поблагодарить за доверие и снова сесть на свое место, чтобы не упасть, но тут понял, что не смогу с ходу выговорить те слова, понимать которые вроде бы и понимаю.

Наконец, посмотрев на Ивана, который следил за мной невольно нахмурившись, я сумел проямлить.

– Благодарствую за почесть велику, княже. Показати Михаилу, бо не прав от, оуставить злочестие або за благочестие оумереть – ти таки повели, а я уже поиду и тиби хвалы добуди, – я произнес это медленно, выбирая каждое слово перед тем, как произнести его и подозревая, что все равно, что-то произнес неправильно. Но удивления моя речь не вызвала, и вроде бы все прошло нормально. Иван кивнул в знак того, что принял мой ответ и взмахом руки позволил сесть на место, что я с превеликим облегчением и сделал.

Черт, что происходит? Это уже настолько мало напоминает простую игру воображения, что я готов поверить во что-то совершенно невероятное. Но, если я не лежу в коме с прокруткой в голове замечательного сериала из жизни Московских князей пятнадцатого века, то тогда... я здесь нахожусь?

Потому что я не верю, что в собственном воображении не сумел бы нормально ответить, а не мямлить, выбирая слова попроще, и лихо, и с улыбкой поблагодарил бы отца за то, что тот послал меня завоевывать будущее княжество, где я должен принять княжеский венец.

Да и то ощущение, когда я встал, что ноги вовсе не мои, а какие-то ходули, на которые меня поставили, подтверждали эту жуткую теорию перемещения моего сознания, души, или черт знает, чего еще, непонятно куда и не ясно с какой целью.

Так, нужно рассуждать логически: если та жуть, что Катьке мерещилась в той то ли гробнице, то ли просто жутком месте каким-то образом мою отошедшую после удара по голове душу подхватила и перенесла в тело Ивана Молодого, о котором я, кажется, знаю все, во всяком случае, я знаю о нем все, что сумел когда-то отыскать, а, положив руку на сердце, отыскать я сумел немного, то, что я должен сделать-то?

Думай, Ваня, думай. Ты же вроде бы умный, в аспирантуру вон поступил. На стене было написано что-то про исправления ошибок и... как там Катька перевела, что-то вроде того, что ничего не получается исправить, как бы не старался, и все идет своим чередом. Ну, или как-то так.

И что это означает? Вот тут можно пофантазировать. Например, о том, что это не первая попытка того зловещего нечта кого-нибудь сюда запульнуть. Но, что бы попаданец не делал, все заканчивалось весьма плачевно – Иван Молодой умирал через шесть лет от происходящих событий.

Так, не паниковать, тебе не так повезло, как всем тем, о ком ты читал и даже с упоением, которым было позволено осознать свою плачевную судьбу в одиночестве и чаще всего в лесу, где можно было спокойно и без суеты побиться башкой о ближайшую березу и принять неизбежное.

Ну, так оно, жить-то всем хочется, пусть и в чужом теле, и на чужом временном отрезке. Тебе же «повезло» сразу очутиться в толпе людей, и уйти отсюда не представляется возможным, не поймут-с. Так что, лучше думай и вспоминай, что ты знаешь.

Да не так уж и много, мать вашу! Про этот период вообще ни хрена не известно! Знаю только, что Иван вроде конфликтовал с мачехой, ну тут понятно, ей наследник поперек горла был, у нее свои сыновья имелись, чтобы княжеский престол, который вот прямо сейчас потихоньку формируется в царский, не отдавать на сторону. Что еще?

Вроде бы на данном этапе Иван Молодой сильно изменился, стал немногословен и более собран. Ну, это понятно. Как тут поболтаешь, если с внутренним переводчиком говорить приходится? Все историки, которых я изучал, связывают такое поведение Ивана с пережитой войной с Ордой. А что если это не так? Если, вашу мать, это просто постоянно был попаданец, который всегда плохо кончал, погибая от странной и неизвестной болезни.

Ведь Ванька у себя в Твери начинал какой-то прогресс строить в любой версии истории, какая только попадалась мне на глаза. Недаром же его считают прототипом сказочного Ивана-царевича. Вот только он никогда не успевал закончить свои начинания и раз за разом погибал практически полностью парализованный.

У меня есть какие-нибудь преимущества? Ха-ха, три раза. Я могу виртуозно приготовить яичницу и рассказать всем, кто меня захочет услышать, что Зойка Византийская какие-то шуры-муры с Орсини крутила, в то время, когда при Ватикане приживалкой пристроилась. Недаром Клариче де Медичи, супруга Лоренцо Великолепного, на ее свадьбе присутствовала в качестве госты. Так что да, преимущества те еще.

Я ни черта не знаю про оружие, мне не интересна была реконструкция, я ее никогда не понимал. Как не понимаю, откуда в розетке берется электричество и понятия не имею, какой состав у пороха.

Черт-черт-черт! А вот теперь можно начинать паниковать, чтобы не мучиться и сдохнуть здесь и сейчас как слегка одержимый, изменив тем самым историю. Ха-ха. Правда, что ли такой финт этой стерве по имени Судьба показать? Вот только проблема в том, что я все еще хочу жить!

– О чем задумался? – тот самый чернявый спросил это вслух, и я, оглядевшись по сторонам, увидел с изумлением, что мы остались в палатах одни.

Я даже не заметил, как все разошлись, включая Ивана Васильевича. Самое интересное заключалось на данном этапе в том, что, как только я принял свое «попадание», пока еще только мозгом, подозреваю, что полноценная истерика у меня начнется, когда я останусь один, то и перевод пошел гораздо легче.

Да и говорить я теперь мог без особого напряжения, наверное, память тела, для которого эта речь была привычной, сыграла немаловажную роль.

Я покосился на соседа. Еще одна проблема заключалась в том, что на Руси не было тогда распространено увлечение увековечивать себя на портретах, поэтому я понятия не имел, кто есть, кто, и это создавало определенную проблему: не мог же я ходить и спрашивать у всех, кто они такие?

А может разбежаться и башкой показательно обо что-нибудь болбануться, а потом показывать всем шишку и говорить, будто память отшибло? Вариант хороший, но вот прямо сейчас не осуществим. А мой собеседник все еще ждал ответа, и я буркнул.

– Не ожидал, что князь меня выберет в воеводы.

– Никто не ожидал, после того, как ты, княжич, его ослушался и не вернулся в срок от Орды.

– Наверное, еще раз хочет верность мою проверить, все же теперь супротив дядьки родного идти придется.

– Не переживай, у тебя много верных соратников, княжич, – и чернявый улыбнулся. – Уж Василий Милославский точно с тобой пойдет, как и вся его дворянская поместная конница под руку твою встанет, – и он ударил себя кулаком в грудь.

Боже, благослови Василия, который так кстати представился. Хотя, услышав его имя, я едва истерично не расхохотался, прикусив губы, чтобы не ляпнуть: «А почему не Жорж?» Но, вместо этого я пафосно произнес.

– Поверь, я ценю преданность и помню о ней, и вознагражу по заслугам, как только смогу сделать это.

– Может быть, пойдем уже отсюда, княже? – Василию явно понравился мой ответ, потому что он не прекращал улыбаться.

– Ты иди, а я еще посижу, мне здесь в этих палатах лучше думается, – ну не говорить же ему, что я после того, как останусь один, начну учиться ходить и привыкать к новому телу.

Как я буду учиться владеть оружием, старался не думать, потому что это было совсем печально. Иван Молодой был прекрасно обученным воином, не повезло его телу меня в качестве донора души получить.

Ладно, пока что надо просто ходить начать, чтобы об собственные ноги не заплетаться. Милославский встал, нагнул голову, не поклонившись, а обозначив поклон, и вышел, а я остался наконец один и только когда тяжелые дубовые двери закрылись, рассмеялся, закрыв руками лицо.

План о том, чтобы, шандарахнуть обо что-нибудь головой, и, допустим, ногу сломать, уже не казался таким уж и дурацким. Не только ведь телу Ивана не повезло со мной. Самое-то главное, армии со мной не повезло! Как я буду брать Тверь, одному Богу известно. Может, они сами сдадутся? Ну, а что, надежда умирает последней.

Катерина

– Ваш муж, сеньора, велит покинуть замок, – я попыталась сфокусироваться на говорившем. Высокий, худой мужчина, с вытянутым лицом, в латных доспехах, или, нет, скорее миланских где-то середины пятнадцатого века, так, стоп... Что? В доспехах? Шлем у мужчины был зажат под мышкой, а меч он придерживал у бедра рукой. Когда же он говорил, то склонял голову, выражая полное почтение. – Сеньора, вы слышите меня? Ваш муж, сеньор Риарио, приказал вам уйти из замка.

– Я... слышу вас, – мысли у меня в голове метались, пытаюсь сосредоточиться хоть на чем-нибудь, что объяснило бы, что вообще происходит?!

Внезапно до меня дошло, что мужчина обращался к мне вовсе не на русском языке, и я ему отвечаю... Это итальянский, а именно Тосканский диалект, язык Данте, Боккаччо, Макиавелли, многих знаменитых флорентинцев. Я знаю этот диалект, потому что именно на нем было написано большинство из тех скудных данных, которые были мне доступны по эпохе, которой была посвящена моей диссертация.

И что странно, отвечаю я ему без какой-либо заминки, хотя разговорной практики, у меня, по понятным причинам, было не слишком много. Хотя мысли в голове крутятся на вполне себе родном русском языке.

– Сеньора, идемте, ваш муж...

– Я уже слышала про мужа, и я... – Господи, что мне делать? Что вообще происходит? Я почувствовала, как на меня понемногу начала накатывать истерика.

Последнее, что я помнила, это как Ванька упал на меня, пытаюсь защититься от падающих камней, потом было мгновение абсолютной темноты, в которой не ощущалось ни одного движения или звука, лишь ледяной холод, от которого останавливается сердце, и вот уже передо мной стоит этот мужик с мечом и в железе, и что-то твердит на тосканском диалекте про какого-то мужа.

Какой к черту муж? Я вовсе не собиралась в ближайшие годы выходить замуж. Я хотела сделать карьеру, только вот направление выбрала, похоже, не то, которое следовало, но замуж я уж точно не выходила, наверняка подобное бы мне запомнилось, хотя бы в виде кольца на пальце и штампа в паспорте.

Внезапно я ощутила, как в животе начали появляться и лопаться воздушные пузырьки. Конечно, это были не пузырьки, но ощущения довольно похожие. Это было довольно приятно, и я невольно улыбнулась и рефлекторно положила руку на живот...

Что это такое?! Опустив взгляд, я увидела, что платье весьма красноречиво обтягивает круглый живот, беременный живот, лишь краем сознания отмечая, что платье очень длинное, даже не в пол, а волочится по этому самому полу.

Отступив на шаг от нахмурившегося мужика, я рассмеялась хриплым смехом. Вот так внезапно оказаться замужем, да еще и беременной... И этот мужик в доспехах явно не мой муж, потому что мой муж велит мне покинуть замок. Похоже, я все-таки сошла с ума, и в своем воображении представляю себя итальянской сеньорой? А муж мой случайно не из дома меня выгоняет?

Переработала, ты, Катя, раз подсознание тебе такие красочные картинки кидает. Как только подлечат меня, и я перестану видеть настолько реалистичные красочные сны, возьму учебный отпуск по состоянию здоровья, такой вроде бы всем положен, у кого имеются определенно рода проблемы.

– Сеньора...

– Да замолчите вы, – я сжала пальцами виски. Сквозь невнятный поток мыслей до меня начало доходить, что во сне нет такой стройности мышления и такой реалистичности. Нужно понять, что происходит. Если пойму, почему я здесь оказалась, замужем и беременная, то, вероятно, пойму все остальное. – Можете передать моему... мужу, – слово «муж» далось мне с трудом, я не хочу никакого мужа, так нечестно, – что я никуда не уйду, пока... пока, – пока что? – Пока не будут удовлетворены мои требования.

– Но, сеньора, ваши требования изначально странные, – мужик переступил с ноги на ногу, видимо, давно уже стоял, пытаюсь убедить сеньору в том, что она где-то неправа. – Я не являюсь вашим советником и приближенным к вам лицом, но как вы сможете вернуть замок Святого Ангела понтифику, если вы не пускаете сюда совет кардиналов, чтобы они выбрали уже, наконец-то, понтифика. Граф Риарио уже получил то, что было обещано, но вы все упрямитесь и утверждаете, что не можете подчиниться приказам собственного мужа.

Граф Риарио, какой к черту Риарио? Я знаю только одного графа Риарио. Джироламо Риарио то ли сын, то ли племянник Сикста IV, про которого даже не понятно по тем обрывкам, что дошли до наших дней, кем он все-таки был: презируемым никчемным человеком, садистом и трусом, или же любимым народом правителем Форли и Имолы.

Наверное, подлинные документы хранятся в скрытых архивах Ватикана, вот только меня в эти скрытые архивы вряд ли когда-нибудь пустили бы, если только спонсора найти, как Ванька советовал.

Так, Катюха, думай. Все странности начались незадолго до того, как вы с Ванькой откопали те странные таблички, которые даже чисто теоретически не могли оказаться в одном месте. Не зря мне замогильная дичь чудилась, ой не зря.

Что там было написано? Что-то про то, что фатум – это судьба, и сколько бы не трепыхался, ничего не исправить – конец всегда один и тот же.

Черт подери, меня что закинули сюда какие-то потусторонние силы, чтобы тупо посмотреть, сумею ли я что-то изменить? Получается, что так. А еще получается, что я не первая, кто оказался на этом месте. Только сколько бы «попаданок» не было, конец всегда был один и тот же. А если этот мужик, который смотрит на меня исподлобья, называл Джироламо Риарио

моим мужем, то я... Катерина Сфорца?! Ну, привет, писец, я – Катя. Хорошо хоть, к имени привыкать не надо.

А мужик все смотрит на меня не мигая. Кто же это? Про тех ребят, что удерживали вместе с Катериной замок Святого Ангела, вообще ничего не известно. Даже имен нигде не обозначено. Наемники папской армии – вот и все, что про них сказано во всех источниках, какие мне удалось когда-то накопать.

– Нет, мы сейчас не покинем замок, пока я не услышу приказа уйти, из уст самого Джироламо, или пока не увижу письма, написанного почерком моего мужа, иначе вполне может случиться так, что я ослушалась своего господина, отдав замок до того момента, как он действительно приказал мне сделать это, – так, главное, не переигрывать.

Что бы там про Катерину не говорили, но командовать мужчинами, не имея хотя бы формального права, она не могла. Не то было время. Но вот прикрываясь именем Джироламо, она могла творить любую дичь, ну, а что, муж приказал, а я всего лишь послушная жена. Ведь священники в это время все еще спорят, а есть ли у женщин вообще душа, так что, если муж приказал – то она вообще ни в чем не виновата, за языком лучше следи, лох печальный, чтобы дура-баба тебя правильно поняла.

Мужик, наверное, командир этих наемников, скривился. Похоже, что сама идея нахождения в этом замке не слишком его вдохновляла, но вот на что-что, а на его чувства мне было наплевать. Он неохотно кивнул и вышел из комнаты, я же прислонилась спиной к стене и закрыла глаза.

Инстинкт самосохранения победил накатывающую панику с разгромным счетом, заставляя оставить истерику на потом, и пока попытаться сообразить, как мне выпутаться из этой ловушки, в которой я по воле... да неважно, по чьей воле, оказалась. Сейчас, когда я нахожусь в теле глубоко беременной психопатки в самом сердце Ватикана, любой неверный чих может очень нехорошо отразиться на моем здоровье – меня попросту сожгут от греха подальше, а любимый муженек еще и дровишек подкинет, чтобы костер был повеселее.

Так что думай, вспоминай, что тебе известно о взятии замка Святого Ангела? А известно немногое.

Черт! Сведения настолько противоречивы, что доводили меня до психоза, когда я пыталась их систематизировать, потому что доподлинно не известно, а был ли сам Джироламо на этом празднике жизни.

Кто-то пишет, что да, был, а кто-то утверждает, что нет, его не было и он вообще по непонятной причине слился, ожидая, пока его благоверная наиграется в войнушку, в гостях у Орсини.

Не известно также и то, на каких условиях Катерина замок покинула. То ли мужу бабла отвалили, то ли ей самой, то ли на нее снизошло озарение, то ли какой-то кардинал прямо под стенами громко, чтобы Катька его расслышала, объявил, что Ватикан подтверждает права ее мужа на Форли.

Понятно, что вообще ничего не понятно. Единственное, в чем сходятся все историки, включая, кстати, Макиавелли, что Катерина в этот период была чрезвычайно молчалива и задумчива. Ну, тут задумаешься, когда осознаешь, в какую жопу ты попала, а насчет молчаливости... Не знаю, правда, сомневаюсь, что все, ну ладно, пусть будут попаданки, могли Данте в оригинале читать. Хоть какое-то у меня преимущество есть, я язык знаю.

Не понятны также отношения Катерины с Чезаре Борджиа: то он ее изнасиловал, да еще и хвастался этим фактом, то наоборот восхищался ею, то сам то ли попал в плен, то ли не попал и не известно, что она с ним там делала. Но про Чезаре думать еще рано, зеленоват он еще в это время для заигрываний...

Похоже, все эти версии могли быть на самом деле, но они все переплелись в одну историю, потому что ни на что в итоге не повлияли! Катерина каждый раз умирает то ли от тубер-

кулеза, то ли от простой пневмонии, проведя три года в качестве пленницы вот этого самого замка.

Может, взорвать его, пока не поздно? Ну, а что, изящное нарушение канвы предстоящих событий. Я снова хрипло рассмеялась. Что там говорилось, быть вираго – позор? Может, прав был Ванька, когда сам дословно пытался найти смысл в том наборе не связанных, на первый взгляд, слов.

Стоять было не удобно, да еще и с таким животом. Двигаться тем более не привычно. Хорошо еще, что на беременных женщин в плане различных нарушений координаций движений внимания не обращают. На них вообще стараются внимания не обращать, словно беременность – это тяжелая болезнь, нечто вроде проказы.

Вот только двигаться надо, и прежде всего выяснить, здесь находится Джироламо, и не пошел ли за ним этот железный дровосек, или Риарио здесь нет, и у меня появляется немного времени, чтобы подумать.

Глава 2

Иван

Оставаться в палатах было уже просто неприлично. Тем более, что я походил и вроде бы приноровился к этому телу, так что можно попробовать выйти и осмотреться более основательно.

Сделав еще один круг по комнате, я остановился возле стула Ивана III, который хоть отдаленно, но уже напоминал трон, хотя, вроде это и есть трон и его Зоя привезла в качестве приданного, но это не точно, и задумался.

А может, я зря так всполошился? В тех летописях, что я читал, во всех без исключений, поход на Тверь возглавил сам Великий князь Московский, а не его старший сын, а вот причина на то, кроме невинных предположений о том, что Иван разозлился на Михаила за его шашни с Литовцем, нигде озвучена не была.

Летописцы вообще редко что-то, кроме поехал-уехал, родился, женился, умер, писали. Это не их дело было версии строить, да что-то выяснять. Одни сухие факты, лишь изредка разбавленные художественными отступлениями, которые больше показывали на их отношение к тому или иному персонажу, а не описывали картину происходящих событий. И снова нужно было половину додумывать историкам самостоятельно, и это та еще правда – у каждого своя.

Ладно, надо еще дожить до того времени, как армия двинется на дядю Мишу. Сейчас же необходимо понять, куда мне идти, чтобы попасть к себе. Я не помню этих палат. Их просто уже не было, и не было картины, чтобы я мог хоть как-то сориентироваться на местности. Ну не рисовали картин в то время на Руси.

– О чем так задумался шибко, княжич? – я резко обернулся и увидел заходящего в палату бородатого мужика в боярском одеянии. – Думаешь, а не передумает ли Великий князь, как тогда на Угре?

– На то воля князя, если и передумает, то, значит, причина на то будет, я же могу лишь исполнять его волю, – пока я лихорадочно пытался додумать, кто это, боярин подошел ближе и встал возле меня, тоже напротив княжеского седалища.

– Ой ли, княжич, – боярин покачал головой. – Да не столь и давно-то было, когда я лично в руки тебе передал приказ князя – отца твоего, чтобы уходил ты с Угры, помнишь, что ты мне тогда сказал, даже письма отца не раскрыв?

– «Ждем татар», – пробормотал я, поглядывая на боярина. Я знаю, кто он. Князь Даниил Дмитриевич Холмский. Тот, кто фактически одержал для Ивана III все победы наступательного характера. – Ты тогда тоже ослушался приказа, князь.

– Да, было дело, – он задумался. – Вот только там, где ты видел славу и доблесть в веках, я видел совсем другое. Послушай я приказа князя тогда, и сгубили бы мы войско русское, да и сами головы сложили бы. Это было правильное решение, но мы с тобой все одно пошли супротив повеления князя, и едва опалы избежали, да и то лишь потому, что правы оказались.

– Не боязно ли снова в Тверь возвращаться? Ведь оттуда корни твои произрастают, – тихо спросил я, тщательно выбирая слова и выражения, которые помогли бы мне лучше понять и самого Холмского, и мотивы, которые двигали им.

– Я не пойду на Тверь, – он покачал головой. – Да и не позволит отец твой такой соблазн на меня возводить. Он ведь все о предательстве моем раздумывает, мнимом. Незачем давать ему причину, снова в опалу меня загнать. Пойдем, княжич, нечего кому-то давать повод думать, что креслом отцовым не просто так любуешься, думу думая.

– Вот как, – я невольно оглянулся. – Ну, если даже тебя мысли подобные смутили... – я подождал, когда Холмский развернется и двинется к выходу из палат.

Сами палаты никем не охранялись, что было бы довольно странно, если бы я не вспомнил, что дружина и рынды находятся непосредственно возле князя, являясь по сути его телохранителями, а на остальных им как бы наплевать.

Нет, дворец князя, скорее всего, охранялся, во всяком случае те покои, где он по сути жил, но вот такие общественные места, дай бог перед заседанием осматривали. Да и не было сейчас привычки решать вопросы с помощью взрывчатки. В это время модными были яды. Причем не только в Европе, но и здесь на Руси. Да что далеко ходить, если даже мать Ивана Молодого, меня, то есть, считают отравленной.

Шли мы неспешно и молча. Холмский не спешил затевать разговор, я же просто не знал, с чего его можно начать. Таким неспешным шагом мы вышли на улицу. Там князь прошел по двору несколько метров, и остановился возле очередной двери.

– Отец твой долго ли намерен тебя держать при себе? Уже и сына родил, а все палаты рядом держит?

– Вот то, не ведомо мне, – я покачал головой.

Чего я точно не знаю, это где жил Иван Молодой в Москве. Ведь еще и жена его с сыном где-то в своем тереме жить должна.

Но, вот этот вход, скорее всего, как раз в мои палаты, спасибо тебе Холмский, за то, что дорогу показал. А вот где я буду Елену Волошанку искать, это вопрос. Потому что я не могу все терема в округе обойти и наткнуться на нужный методом тыка.

Не принято здесь по женским теремам, не будучи ближайшим родственником шастать. Вот к Зое, пардон, к Великой княгине Софье, я вполне могу заглянуть на правах пасынка. Только оно мне надо?

– Когда Великий князь решит, что пора отпустить меня и семейство мое от себя, то так тому и быть, – я уже хотел было попрощаться и уйти, потому что, черт подери, я не готов сейчас ни с кем разговаривать.

Запас моей прочности уже подходит к концу, и я просто чувствую накатывающую на меня волнами панику.

Но тут раздался шум и через расписные ворота во двор вошла целая делегация во главе с невысокой, склонной к полноте женщиной, на лице которой выделялись большие карие глаза, смотрящие властно, надменно, и в какой-то степени даже жестко.

Рядом с ней шел худой, нескладный тип с козлиной бородкой и очень живой мимикой, выдающей в нем итальянца за версту. Сначала делегация шла напрямик к высокому, густо украшенному резьбой терему, но, когда женщина увидела меня, то сразу же свернула в мою сторону.

– Сеньор Фьорованти сотворил настоящий шедевр, но я нечасто вижу тебя, сын мой, в доме Господа нашего, – она мило улыбалась, но улыбка так и не коснулась глаз, которые оставались холодными. А еще, говорила она на латыни, а не русском.

– Ну, что ты, княгиня, – я намеренно опустил все ее титулы и не назвал матерью, подчеркивая свое отношение, которое, согласно летописям, то еще было, причем абсолютно взаимно. – Я так же часто прихожу в дом Господа нашего, сколько любой другой православный муж, вот только не встречал я тебя там, почему-то. – Если шло заседание думы, то никакого важного служения в это время быть не могло, не то это время, чтобы князь мог забить на богослужение, чтобы проораться по поводу Михаила, который постоянно пытался то с поляками, то с литовцами заигрывать.

– Ну, будет, не стоит нам ссориться, сын мой, – вот стерва, она упорно называла меня своим сыном, особенно на глазах у собравшихся, словно показывая, я вот к нему всем сердцем, а он, тварь неблагодарная. – Я слышала, что Великий князь даровал тебе честь великую, снова доверив армию.

– Твоими молитвами, княгиня, не иначе, – я криво усмехнулся и склонил голову, обозначив поклон.

– Я рада за тебя, сын мой, надеюсь, что в этот раз ты не осрамишься, и приказы отца своего и государя будешь выполнять беспрекословно, – она снова улыбнулась, а я внезапно понял, что не зря склонялся к версии Уваровской летописи, судя по которой, летописец просто ненавидел княгиню Софью и считал ее виновной, как в гибели Ивана Молодого, так и в последующей гибели его сына и жены. – Сыну твоему скоро год исполнится, это хороший знак. Я обязательно навещу Елену в этот радостный день с богатыми дарами.

И она развернулась и поплыла к, я так полагаю, своему терему. И тут до меня дошло. Год? Дмитрию нет еще года? Но, он ведь родился в 1483 году, а на Тверь Иван III ринулся в 1485. Какой сейчас год на самом деле? Гадство какое, и календарей-то нет, чтобы посмотреть.

– Не нужно смотреть ей вслед так, словно хочешь схватить пищаль и пальнуть в спину, – тихий голос князя Холмского вернул меня к реальности, какой бы дикой она не была. – И что вас мир-то не берет? И так из-за княгини с отцом родным едва ли не на ножах ходил. Разве ж так можно?

– Нет, ты прав, Даниил Дмитриевич, нельзя так явно показывать, как не любя мне княгиня, – нужно было быстро сгладить возникшее напряжение, потому что понятия не имею о лояльности Холмского, и я добавил. – Как место матери моей княгиня заняла, так и невзлюбил ее, – Холмский только головой покачал, я же все-таки начал подниматься на крыльцо, крепко держась за перила.

– Княжич, а ты часом с лошади не падал? Может понес конь ретивый, а ты и не удержался, только говорить об этом не хочешь, боишься, что засмеют? – задумчивый голос Холмского заставил меня остановиться и обернуться. Он стоял перед крыльцом и внимательно смотрел на меня.

– С чего ты взял это? – я еще крепче вцепился в перила, чувствуя, что начала кружиться голова.

– Да идешь ты дюже странно, словно боль испытываешь нестерпимую, – медленно пояснил Холмский. Твою мать, вот ведь глазастый. Но тут-то как раз ничего странного нет, он старый воин, моторику движений просчитывает на раз. Что делать-то? А может и правда сказать, что да мол с лошади упал и не сказал никому, потому как стыдно? Хороший вариант, кстати, гораздо лучший, чем тот, в котором я экстренно себе ноги ломаю.

– Прав ты, Даниил Дмитриевич, упал я давеча. Конь споткнулся, а я задумавшись ехал, вот и не удержался в седле. Думал, что пустое, раз руки-ноги целы, а сегодня спину что-то прихватило, словно дед я старый. Вот, думаю, пойти отлежаться попробовать.

– Видывал я, как после падений и вовсе не вставали, – Холмский погладил бороду. – Сообщу я отцу твоему, раз сам не смог, побоялся. И не спорь, княжич, – он нахмурился. – Нельзя тебе сейчас снова в седло. А дальше нужно будет подождать веления князя.

– Я не для того тебе открылся, чтобы ты отцу тут же побежал доносить на меня, – процедил я, исподлобья глядя на Холмского.

– Молод ты еще, княжич, мало еще повидал, – упрямо гнул свою линию Холмский. – Повидал я таких, кои думали, что само все пройдет. Только не проходило, ноги у них отказывали, да гадить начинали под себя. Ты же идешь, словно кол проглотил. Тревожно мне за тебя, княжич. Да и войска еще не время собирать, уже почитай третий раз князь гневается, да потом Михаил ему челобитную шлет, кается, и поход откладывается. Так что, обожди, да лучше поправься. Знамо дело, хочется славы, да удаль молодецкую показать, но иной раз и обождать не грех. Сам же, когда на Угре стояли, эту мудрость применял.

– А может не надо отцу говорить? – я очень натурально вздохнул.

– Надо, княжич, негоже отца да государя нашего в неведение держать, не по-людски это, – и он, развернувшись, пошел в ту сторону, откуда мы с ним недавно пришли.

Ну что же, правило о том, чтобы дать людям самим объяснить свои теории, не мешая им придумывать и, самое главное, обосновывать придуманное, имеет место быть. Так ты, Ванька, хорошим интриганом можешь стать в итоге.

И я снова принялся подниматься в свои палаты, надеюсь, что они действительно мои, держа спину еще более прямо, чтобы все видели, как я мужественно терплю боль.

Палаты оказались все-таки мои. Низкие потолки меня немного напрягали, и хоть я вроде бы проходил нормально, а так и тянуло пригнуться. Идти пришлось недалеко. Пройдя через узорчатую арку, пригнувшись, потому что в противном случае стукнулся бы лбом об нее, я вошел в просторную залу, по периметру которой стояли лавки, на двух из которых сидели четверо молодых людей и играли в бирюльки.

Как только я вошел, они тут же вскочили и несколько бирюлек даже упало на пол. Так, это, похоже, мои рынды, но хоть убей, я понятия не имею кто из них, кто.

– Устал я что-то, пойду отдохну, – с порога обозначив свои намерения, я в замешательстве начал поглядывать на двери. Один из парней бросил быстрый взгляд на крайнюю, подсказав мне таким образом, куда идти.

– Мы здесь будем, княжич, – один из них высокий светловолосый красавец легко поклонился. – Ежели что понадобится, кликни. – Я не ответил, лишь кивнул и вошел в ту самую дверь, на которую невольно указал мне один из них.

Это действительно оказалась спальня. Плотнo закрыв дверь за собой, я прошелся по небольшой комнате с низкими потолками. Остановился возле огромной кровати, с наваленными на нее шкурами, бросил взгляд на иконостас в углу.

Подумав, стянул сапоги, и кафтан и растянулся прямо поверх шкуры на животе, после чего яростно ударил кулаком в подушку. Потом еще раз и еще, спрятав лицо в постели, чтобы не издавать громких звуков.

Вот теперь можно немного поистерить, пока папаша любящий не заявился, а он обязательно заявится, потому что все, что я знал о Иване III, просто кричало о том, что он помешан на контроле, недаром стал первым самодержцем. Так что до высочайшего визита мне надо в себя приходить, чтобы не усугубить и так не слишком веселую ситуацию.

Катерина

Несмотря на состояние перманентной паники, переходящей в полноценное уныния, усугубляемое чувством чисто физического дискомфорта из-за непривычного тяжелого живота и духоты, от которой начала болеть голова, я вышла из покоев, чтобы хоть немного разведать обстановку и оценить атмосферу, царившую в замке.

Если мне не изменяла память, то настоящая Катерина удерживала замок порядка двух недель. Интересно, сколько уже варятся в этом душном каменном котле наемники, и насколько крепка их преданность Риарио?

В коридорах замка было пусто. Оглядевшись по сторонам, я направилась прямо, туда, где виднелась лестница, по которой можно было спуститься вниз, либо подняться на крышу, откуда можно было осмотреть окрестности.

Мне удалось не так давно, в той жизни, побывать в этом замке на экскурсии, и именно тогда меня захватили странные эмоции и чувства, которые словно заноза засели в мозге, без перерыва настаивая, что это именно та тема, которую я хотела бы разобраться по кусочкам, окунувшись в атмосферу эпохи нескончаемых войн, локальных конфликтов, предательств и интриг, по сравнению с которыми «Игра престолов» кажется игрой в детской песочнице.

До XXI века архитектура замка, вероятно, перенесла очень много изменений и то, что нам было показано сильно отличалась от того, что предстало сейчас передо мной. По крайней мере, понять, где я нахожусь и как-то сориентироваться было не просто. Я приняла решение спуститься по лестнице, и уже ступила на первую ступень, как меня остановил голос, раздавшийся за спиной.

– Сеньора, вам не следует выходить одной без сопровождения, – развернувшись, я увидела девушку, быстро приближающуюся ко мне.

Выглядела она лет на шестнадцать, с бледным лицом, усыпанным веснушками и непослушной копной вьющихся рыжих волос, не совсем аккуратно собранных на затылке в узел.

Я понятия не имею, кто это, и как мне следует к ней обращаться, как, собственно, и ко всем, находящимся в этой чертовой крепости!

Поймав себя на мысли, что я понятия не имею, как выглядит даже Джироламо Риарио дела Ровери, мне стало смешно, но пришлось сдержаться, чтобы не разразиться истеричным смехом и поставить мой авторитет под сомнение.

Почему у меня не осталось ни капли воспоминаний из прошлой жизни настоящей Катерины Сфорца? Да хотя бы какое-нибудь шестое чувство, чтобы можно было сориентироваться, как относилась она сама к своему ближайшему окружению? Это не справедливо, черт подери!

– Почему? Никого рядом нет, а я нуждаюсь в новых сведениях, чтобы не совершить ошибки, – я глубоко вздохнула. Говорить приходилось медленно, подбирая каждое слово.

– На стенах может быть небезопасно, – упрямо повторила девушка, внимательно глядя на меня, но, заметив мой пристальный взгляд, быстро опустила глаза. Понятно, значит, мы точно не ровня. – Было уже совершено не одно нападение на стены замка, вам ли этого не знать. Никто не может быть уверен в том, что в настоящее время есть хоть небольшой островок безопасности в Риме, и какие еще жуткие опасности таит в себе ночь.

– Сейчас везде небезопасно. – Я с тоской посмотрел на лестницу, но решив, что не следует привлекать излишнего внимания, под облегченный вздох моей... хм пусть будет пока компаньонки, вернулась к той комнате, откуда не так давно вышла.

– Вам нездоровится? – войдя в покои, девушка закрыла дверь, довольно внезапно задав вопрос.

– С чего ты это взяла? – ком беспокойства подкатил к горлу и сердце предательски застучало, потому что всё списать на беременность, судя по внимательно изучающему меня взгляду, явно не получится.

– Вы странно говорите, словно пытаетесь подобрать слова, которые забыли, да и ходите странно, будто, делая каждый шаг, боитесь упасть, – она нахмурилась и выглядела довольно серьезно.

– Все хорошо, просто немного душно, – я улыbnулась краешком губ, надеясь, что проступивших капель пота на лбу при том тусклом освещении, что царило в комнате, она не заметит. – Да и ситуация непростая. Я просто устала.

– Я знаю вас не первый год, сеньора. – Какая напористая девица, но можно сделать вывод, что она точно не местная, а приставлена ко мне еще задолго до этого, лишенного малейшей логики, демарша против Святого Престола. – Вам следует отдохнуть.

– В данный момент мне некогда отдыхать, – ровно проговорила я. Насколько Катерина была близка с графом, и заметит ли он эти изменения, которые разглядела приставленная ко мне девушка? Хотя, остается надежда, что он, как и все мужики, просто все странности списшет на мое состояние далекозашедшей беременности. – Мне нужен сопровождающий, если без него, мне никто не даст сделать и шага вне проклятых стен этой комнаты, которая уже становится моей темницей.

– Я приглашу капитана Бордони, сеньора. – Девушка, ненадолго замешкавшись, вышла из комнаты аккуратно прикрыв за собой дверь.

Ну что ж, похоже, что меня откровенно пасут, либо, чтобы со мной ничего не случилось, либо, чтобы я не сделала никакую глупость. А сейчас следует дождаться этого капитана Бордони, который, чисто теоретически, проведет меня по замку, и я сумею, наконец, сориентироваться.

К своему стыду, я совершенно не разбиралась в званиях папской армии и их иерархии, мне было это не принципиально важно на тот период моей прежней жизни, когда я пыталась продрасть сквозь дебри несоответствий исторических хроник.

В комнате не было окон, только стол, стул, небольшой шкаф, кровать, укрытая балдахин и большое зеркало, которое я не заметила в первый раз. Явно, Катерина для своего временного пристанища выбрала не папские покои, довольствуясь малым.

Я осторожно подошла к зеркалу и взглянула на свое отражение: на меня смотрела молодая и довольно привлекательная женщина. Невысокая, стройная, от чего округлый живот даже через довольно свободное платье сразу бросался в глаза. Светлые волосы были собраны в незамысловатую прическу, полностью открывая округлое лицо. Высокий лоб и заостренный нос не портили ее внешность, а бледная кожа и темно-голубые глаза сразу приковывали взгляд.

Я глубоко вздохнула и, отвернувшись от зеркала, начала ходить по комнате, привыкая к телу и стараясь шагать более уверенно. Но бездумно слоняться туда-сюда, мне не дали. В дверь постучали и, дождавшись моего разрешения, в комнату зашел тот самый мужик, который некоторое время назад настаивал, чтобы я наконец освободила замок.

– Капитан, – я обратилась к вошедшему, который слегка склонил голову. – Мне необходимы последние новости и наше текущее положение дел.

– Мало, что изменилось за последние сутки, – он удивленно на меня посмотрел, но все же решил ответить на прямо поставленный вопрос. Периодически он косился на мой живот, от чего начал нервировать еще больше, хотя есть в этом некий шарм, можно выглядеть слегка неадекватной, как в моем случае, и выяснить больше информации, даже ту, которая, по идее, должна была быть известна Катерине. – Осада замка продолжается, беспорядки на улицах усилились. Палаццо Риарио разрушено полностью. Войско Колонна располагается у стен Рима, но пока не пытается вторгнуться на территорию города, но отмечу еще раз, как неоднократно обращал ваше внимание на тот факт, что как только Колонна решит взять штурмом замок, выстоять против его напора мы не сможем.

– Где сейчас граф Риарио? – так, судя по моим прикидкам, в этот самый момент Катерина должна бежать отсюда не оглядываясь, полностью капитулируя перед кардинальским напором, освобождая, наконец, для них замок.

– Войско Риарио и Орсини отошли от стен Рима еще несколько дней назад, вы правда уверены в необходимости и дальше удерживать замок? Мне с каждым днем становится все тяжелее убеждать своих людей в правильности отданных вами приказов, глядя на то, как вся папская армия отступила под предводительством графа. – Я открыла глаза, которые сама не заметила, как закрыла, обдумывая крутящуюся в голове мысль.

Речь капитана немного выбила из колеи. Еще немного, и люди, удерживающие замок, поддадутся панике, и я получу локальный бунт, только уже в непосредственной близости от себя, и тогда, хорошо бы ноги унести. Думай, Катька, от этого зависит многое. Ты обладаешь тем, чем не обладают даже римские понтифики, примерным знанием того, что еще не случилось, и это может сыграть тебе на руку, если ты не облажаешься, конечно.

– Зачем кардиналам Замок Святого Ангела? – я вслух задала вопрос, который мучил меня на протяжении последних минут.

– Простите? – я тряхнула головой, отгоняя спутанные мысли, и пристально посмотрела в глаза еще более удивленному капитану.

– Кто передал послание, что гонфалоньер Святой Церкви настоятельно требует, чтобы я освободила замок, если мы находимся в осаде? Только не нужно мне говорить о том, что вы открыли ворота, чтобы впустить человека, представившегося гонцом, и даже не проводили его ко мне, хотя сообщение было адресовано непосредственно мне? – немного опешивший от моего вопроса Бордони медлил с ответом. – Мне оценивать это, как предательство? – решила я все же поторопить его с ответом.

– Посланник был облачен в цвета папской армии с посланием от капитан-генерала. Мы не могли его не пустить, как представителя графа Риарио, но также не могли его пустить к вам, не располагая информации об истинных его намерениях. – Наконец, нашелся он с ответом.

Станиславский бы его выкинул из театра еще на подступах к нему. Чтобы представитель ненавистного Риарио прошел спокойно через всю толпу, возбужденную не только на капитан-генерала, но и на все, что хоть немного, но к нему относится, и его не растерзали бы на месте? Они меня что, за идиотку держат?

Видимо, Катерина все-таки не обладала большим умом и сообразительностью, но ничего, мы немного подправим эту историческую несправедливость, потому что действовать согласно тому ходу событий, который заложен исторической канвой я не буду точно, оставаясь в итоге вместе с муженьком у разбитого корыта, раз так меня поимела судьба.

И что мне прикажете делать с капитаном? Если обвинить его в предательстве, то ничего хорошего из этого не выйдет, потому что единственным выходом в этом случае будет казнь, или, в крайнем случае, тюрьма, но тогда я на сто процентов буду уверена, что меня выкинут из замка и так доведенные до предела наемники прямо в лапы озверевшей толпы, хоть заприкрывайся именем Риарио, который находится очень далеко от своей супруги и совсем не спешит ей на помощь.

Но если совсем ничего не предпринять, то это могут воспринять как бессилие и слабость. В эти времена за такое человека превращали в кровавое месиво, и неважно, что это могла быть беременная женщина.

Мое молчание и терпеливое ожидание капитана, который судя по легкой обеспокоенности, мелькающей в его глазах, уже прекрасно понимал, о чем я думаю, только, видимо, не понимал, почему так долго, прервал стук в дверь.

Очередной мужчина, в том же самом доспехе, что и склонивший голову капитан, ожидающий своей участи, вошел в дверь.

– Сеньора, к вам с официальным визитом от папского конклава обратился кардинал Асканио Сфорца и требует личной встречи с вами.

– Он находится здесь, в замке Святого Ангела? – уточнила я, едва удержавшись, чтобы не хлопнуть себя ладонью по лбу.

Ну конечно, палатка из замка в Ватикан никто, наверное, не додумался перекрыть, теперь только остается узнать, кто еще о нем знает, кроме пап, которые стремились укрыться в застенках замка Святого Ангела.

Скорее всего, и «гонец»-то был прислан из Ватикана, а не от графа Риарио. На дурочку не сработало, бывает.

Только капитан почему-то умолчал о том факте, что внешние ворота замка они явно не открывали для встречи гостей, которые уж слишком зачастили сюда. Но что кардиналам мешает просто взять замок изнутри или попытаться подкупить наемников, чтобы они слегка надавали на идиотку, решившую поиграть в солдатиков?

Ох, как все... стремно. Голова пошла кругом, но я устояла на ногах, стараясь выглядеть как обычно, хотя паника снова начала накрывать меня с головой.

– Ну, раз сам кардинал требует встречи, не думаю, что стоит ему в этом отказывать.

Глава 3

Иван

Немного успокоившись, я перевернулся на спину и заложил руки за голову. Так, что я помню про Михаила Борисовича, дядю родненького, коего к ответу мне по приказу отца нужно призвать? А практически ничего.

Проигрывал он всю дорогу Ивану третьему, терял сторонников, которые в этом году должны уже валом валить к Московскому князю, кинув этого хитрована, который и вашим, и нашим, а по большому счету уже на своей земле и не хозяин вовсе был.

Кстати, Гусева он уже почти год назад за ворота выбросил и не дал матери своей узнать, что правнук у нее родился, за что уже должен был отхватить. Правда, сдался он без боя, и это внушает в меня определенный оптимизм.

Следующий косяк за ним будет только в следующем году, когда терпение Ивана третьего окончательно лопнет, и дядька, чувствуя, как подгорает задница, рванет к Казимиру, который с барской руки ему землицы под Смоленском отсыпет.

Но это будет только через год. Что же сейчас произошло такого, что Иван взбеленился и решил направить к Твери армию? А я не знаю, что. Об этом в летописях не упоминается, скорее всего, летописцы не посчитали данное событие настолько важным, чтобы на него указать.

Так, ладно, о походе есть еще время подумать. А сейчас надо бы имена рынд моих узнать, а то неудобно: «Эй ты, как там тебя», – кричать, и пальцем тыкать, указывая, кого именно я имею в виду.

Дверь скрипнула, отворяясь. Я приподнялся на локтях, и увидел входящего в комнату князя Ивана. Он наклонился, проходя в низкие двери, повернулся к иконостасу, перекрестился и только после этого подошел к моему ложу. Я попытался встать, но Иван остановил меня взмахом руки, и сел на край кровати рядом со мной.

– Почему я узнаю о том, что ты хворый от бояр своих, а не от тебя? – я поморщился. Хотя и ждал этого визита, но готов к нему не был.

– Какой Холмский шустрый, уже и до палат до твоих добежал и принять испросил, – я откинулся на подушку, продолжая смотреть в потолок и избегая переводить взгляд на князя.

– Где твои рынды были, когда упал ты так неудачно, что спину повредил? – Иван нахмурился, пристально разглядывая меня.

– Они не виноваты, отец, – я немного замешкался, прежде, чем называть его «отцом», но негативного ответа не последовало, значит, у Ивана с сыном вполне неплохие отношения. – Не ведали они о том. Поднялся я быстро, они как раз доскакали. Не видели, как падал я, не вини их в том. Да и не было никаких ушибов. Боль сегодня только появилась.

– Может лекаря тебя показать иноземному? – я скопил глаза и увидел, что Иван хмурится.

– Э, нет. Не нужно лекаря, ни иноземного, ни своего, ну их костоправов, – я снова приподнялся на локтях. – Лучше скажи, что учинил Михаил Борисович, чтобы гнев твой вызвать?

– Гонца с письмом перехватили, – Иван поднялся на ноги и несколько раз прошелся по небольшой комнатке, большую часть которой кровать занимала, и еще треть – огромный сундук у стены, подозреваю, что с одеждой. – Хану Ахмеду писал песий сын. Союз против меня предлагал.

– Тю, – я присвистнул. – Да Михаил Борисович постоянно такие письма рассылает. И в Орду, и в Астраханское ханство, а Казимиру так по три на неделю шлет. Не поддержит его никто, поостерегутся.

– Дай-то бог, – Иван покачал головой. – Но приструнить его все одно надобно. Ежели хворь уйдет твоя, то аккурат через три седмицы выйдешь походом на Тверь. И не спорь с князем! – можно подумать, что я спорю. А ведь Иван Молодой действительно похоже был болен, поэтому поход и не состоялся. Чем интересно он таким заболел, что даже в седло сесть не сумел? – Кликнуть тебе Никитку Карпова? – и он направился к выходу, не нуждаясь в моем ответе. – Велю сразу же мне докладывать, ежели хворь разыграется.

Князь вышел, не попрощавшись.

– Надо же вроде Московский князь, а ушел по-английски, – я снова заложил руки за голову, прислушиваясь к своему организму. Хотелось есть, да начинало тянуть «до ветру». Интересно, где здесь отхожее место? Пока мы с Холмским шли по двору, я что-то не заметил весьма характерных строений.

Дверь снова приоткрылась, понятно, стучать здесь не принято. В комнату прошел тот самый светловолосый парень, который со мной заговорил, когда я пришел.

– Князь прислал меня к тебе, княжич. Случилось чего? – он выглядел встревоженным, переживающим вполне искренне, вон, даже на образа внимания не обратил, сразу же начал причиной прихода князя интересоваться. Ведь это не рядовая ситуация, когда князь сам перся к взрослому сыну, при этом не сказать, что по делам.

– Да упал я неудачно, – сев на кровати, я принялся натягивать сапоги. Неплохие, кстати, сапоги, ну да княжичу никто не подsunул бы нечто непотребное, от которого мозоли кровавые после пары часов ходьбы образовались бы. – Князь Холмский почему-то решил, что спину я повредил сильнее, чем просто ушибся и Великому князю рассказал.

Обувшись, я предпринял попытку пройти по комнате. На этот раз получилось гораздо лучше, во всяком случае меня уже не заносило на поворотах. Никита же Карпов, ну хоть одного теперь знаю, внимательно наблюдал за мной.

– Далеко ли собрался, княжич? – наконец, спросил он, видя, что я направляюсь к выходу из спальни.

– До ветру, Никита, – я нахмурился. – Поди сам дойду по таким делам?

– Ну, и я схожу с тобой, а то давненько там не был, – нарочито небрежно сообщил Карпов, вставая чуть сзади меня, словно боялся, что я упаду ненароком.

Троих, снова вскочивших, как только я вышел из комнаты, парней, я оставил сторожить свои покои, которые еще не исследовал полностью, и вышел во двор.

На этот раз именно Никита указал мне, куда нужно идти, надо были лишь внимательно следить за порывами его тела. Нужник был грязным. Нет, не так, он был охренительно вонючим и грязным, а отсутствие возможности вымыть руки сильно удручала.

Стоя на улице и вдыхая свежий воздух, я искал взглядом колодец. Наконец, найдя искомое, двинулся в ту сторону. Карпов был вынужден следовать за мной. У колодца стояла девушка и ворочала тяжелый ворот. Вот показалось ведро, наполненное водой, и она, перехватив его за ручку, рывком вытащила из колодезного сруба и ловко опрокинула в стоящее на земле ведро. Ведра были деревянными, и я даже представить не могу, сколько одно такое весит, даже без воды, и тут молоденькая девчонка так легко их таскает. Да, уж, классик точно знал, что говорит, когда о женщинах в русских селеньях писал.

– Полей мне, красавица, – я шагнул к ней, и девушка вздрогнула, оборачиваясь. Она нас явно не слышала и теперь выглядела немного напуганной.

– Княжич, – она поклонилась очень низко, в пояс, а потом уставилась, явно не понимая, что мне от нее надобно.

– На руки мне воды плесни, – я сформулировал просьбу по-другому, и на этот раз она то ли расслышала, то ли поняла, вот только выполнять просьбу мою не спешила.

– Зачем? Вода студеная дюже.

– Я не спрашиваю тебя, какая вода, я прошу плеснуть ее мне на руки, – терпение – это не мой конек, поэтому я последние слова уже цедил сквозь зубы. Пока я пробовал помыть, мать его, руки, Никита стоял рядом и не вмешивался. И когда девица все же плеснула мне в сложенные лодочкой ладони воды, он молчал и не делал ни малейшей попытки ей помочь. Я же кроме рук, сполоснул также лицо и протер шею. Не полноценное умывание, конечно, но даже этого хватило, чтобы почувствовать себя немного лучше. Даже начинающая болеть голова вроде бы прошла. Девушка же, ловко подцепив ведра коромыслом, направилась к стоящему чуть в отдалении терему. – А куда ты воду-то тащишь? – запоздало спросил я, надеясь получить таким нехитрым образом еще кусочек информации.

– Так к княжне Елене в терем, – она слегка развернулась, чтобы мне ответить, при этом ведра качнулись и немного воды выплеснулось на землю. Поморщившись, она продолжила свой путь. На этот раз я ее не останавливал, прикидывая, что, если обязать воинов, да и себя самого заставить вот это таскать – никаких тренажеров не нужно будет, чтобы приличную бицуху набить, да мышцы спины укрепить вместе с плечевым поясом. Но вот то, что я теперь знаю, где Елена Волошанка живет, не могло ни радовать.

– Где ты обедать будешь, княжич? – я обернулся к Никите. – Великий князь приказывал тебе в палаты снеди принести.

– Раз Великий князь не призывал меня к себе, я, пожалуй, у жены пообедаю, – обдумывая эту новость почти минуту, я, наконец, принял решение.

– И то верно, – кивнул Никита, – княжна-то все тебе пеняет, что редко стал ты в терем к ней заходить, – ого, а вот это новость.

Я не знал, что у Ивана по какой-то причине были не слишком хорошие отношения с женой. Я всегда думал, что они были практически идеальной парой, что слишком редко встречалось и в мое время, да и в это, если разобраться.

А, с другой стороны, кроме Дмитрия у них детей больше не было, а почему? Ведь один ребенок за еще семь лет супружества – это не то что странно, а даже подозрительно.

– Ну, вот и страхи Елены заодно развею, – тихо ответив Никите, я направился к терему, в котором скрылась давешняя девушка с коромыслом.

Терем имел очень странную и непривычную мне структуру. Внизу располагались хозяйственные помещения, включая большую кухню с огромной печью, различные складские помещения, и комнатухи для дворовой челяди. Над ними были спальни и детские. А вот светлица, где по идее должна была в это время находиться добропорядочная Елена, была в самом верху. Куда нужно было долго забираться по длиннющей лестнице.

Когда я, наконец, туда залез, и вошел в большую, действительно очень светлую комнату, через традиционно низкие двери, заставляющие входящего кланяться, то разговоры, которые иногда прерывались смехом, и были слышны еще на лестнице, внезапно стихли.

Елена была в светлице не одна. Рядом с ней на скамеечках сидели возле натянутых на пальцы белых полотен еще несколько девушек, которые быстро вскочили, увидев меня и отвесили поясной поклон.

Кто из них Елена я определил очень просто: она была одета богаче всех остальных у нее не было косы и волосы покрыты сложным головным убором, который был положен по статусу замужней женщине.

– Ты решил навестить нас с Дмитрием, муж мой, – она первой нарушила молчание, видимо, устав ждать, пока я перестану тормозить. – Оставьте нас, – это было уже брошено присутствующим девушкам, которые очень быстро исчезли из светлицы, я даже не успел заметить, как они мимо меня проскользнули, потому что все мое внимание было направлено на Елену.

Когда я читал про нее, то всегда пытался представить, как выглядела та, что стала прообразом сказочной Елена Прекрасной. Сейчас же у меня был шанс разглядеть ее как следует. Была ли она красива? Скорее да, чем нет. Наверняка я могу сказать, что она гораздо красивее

Зои. Вот только подходить она ко мне не спешила, да и слишком довольной моим приходом не выглядела.

– Я вижу, что не слишком ты этому рада, – наконец, я нарушил наступившее молчание.

– А чему я должна радоваться? Тому, что меня заперли в этой башне, и я могу выходить отсюда разве что в церковь? Перед тем как родился Дмитрий, я думала, что смогла тебе объяснить, что нам с княгиней Софьей тяжело так жить. Что мы привыкли к другому, к тому, что можем хоть изредка, но выходить из своих покоев, что можем не просто встречать гостей, но и присутствовать при беседах с ними, ежели они не касаются чисто мужских дел. Княгине удалось добиться права присутствия на заседаниях боярской думы раз в две седмицы, и она уже не раз доказала, что может дать хороший совет князю. Почему же я все еще сижу в этой тюрьме, и ты даже слышать не хочешь о том, чтобы дать мне хоть немного свободы?

Вот в чем дело. Елена насмотрелась на то, что Софья ведет активную жизнь в том числе и политическую и ей тоже захотелось. Вот только, подозреваю, что Иван третий не одобрит подобного поведения. Ему и жены хватает, чтобы это дерьмо, которое ему ложками бояре суют, не успевать переваривать.

Так, может быть, она сама виновата в своей опале, когда муж тапки отбросил? Волю почувствовала и начала понемногу права качать, на чем Софья и сыграла как талантливый скрипач на скрипке, настроив мужа против нее и внука.

Внезапно я почувствовал неприятие, неужели она не понимает, что мы и так по краю ходим? Софья гораздо умнее, чем она, и самое главное, она жила в Ватикане, где интриги были частью воздуха, которым дышали его жители. Ей Елена на завтрак пойдет, если я не сумею жену приструнить. Волошанка такой тактикой не только себя, она и меня погубит и собственного сына.

– Мы не будем возвращаться к этой теме, Елена, – хрипло произнес я. – Вели принести моего сына и обед накрыть.

– Хорошо, муж мой, ты властен делать, что пожелаешь, – она наклонила голову, но покорности в ее темных глазах я не заметил. Ой, сдается мне, хлебну я еще горя с ней, потому что действительность очень сильно не соответствует моему представлению в ней, а это значит, что действовать мне придется наугад. И единственным преимуществом, которое у меня осталось – это сносное владение языком.

Катерина

Капитан, несмотря ни на что, лично сопровождал меня вниз на первый ярус, где в центре довольно большого атриума, стоял кардинал вместе с двумя сопровождающими его наемниками, которые отличались от тех, что находились в замке наличием белых накидок, наброшенных на плечи. Сними они эти накидки, и их спутает даже их командир.

Войдя в атриум, я дождалась, когда кардинал Асканио Сфорца, если это был, конечно он, повернется в мою сторону и обратит на меня внимание.

Что необходимо делать и как себя вести в подобных ситуациях я не знала, как и понятия не имела о границах дозволенного, которые определялись женщине в самом сердце Рима, где вся власть была в руках церковников.

Имела ли женщина хотя бы право открывать рот в присутствии кардинала, а если и имела, то насколько распространялось терпение служителей святого престола, чтобы не отправить слишком наглую бабенку на костер.

И, если женщина не имела в этой ситуации вообще никаких прав, то тогда почему Катерина Сфорца, про которую ходит больше легенд, нежели достоверных фактов, постоянно качала права и шла наперекор церкви, оставаясь при этом в полном своем здравии довольно продолжительное время.

Голова от промелькнувших мыслей пошла кругом, и я с огромным трудом осталась стоять на своих двоих, не скатившись по небольшой лестнице, по которой необходимо было спу-

ститься к центру, прямо к ногам ожидающего хоть каких-то действий с моей стороны кардинала.

– Сеньора, не могли бы мы поговорить с вами наедине? – он спросил меня тихим спокойным голосом и слегка улыбнулся, но цепкий колючий и одновременно с этим оценивающий взгляд карих, практически черных глаз просто кричал о том, что этот самый разговор не принесет мне ничего хорошего.

Сам по себе полноватый высокий мужчина не выглядел грузно и не ухожено, а его прямая осанка говорила о высоком положении в обществе, черты лица были чем-то неуловимо похожи на те, что я видела недавно в зеркале: такой же формы нос, высокий лоб.

Действительно, это сборище кардиналов послало не просто самого молодого кардинала-дьякона, но еще и родственника, чтобы образумить упрямую графиню и заставить ее свалить уже из Замка Святого Ангела.

Нужно понять, что я хочу от этого разговора? Ведь чем бы не закончился этот наш диалог, он все равно будет в пользу кардинала. Главное вести себя спокойно и все будет хорошо, по крайней мере, по тому сценарию, который обещает нам история.

Я кивнула Бордони, и он провел нас в небольшую комнату, расположенную недалеко от лестницы, куда мы вошли с Асканио вдвоем. Сопровождающая нас охрана осталась по другую сторону двери, чтобы никто не мог помешать нашему разговору.

Комната была устроена на манер кабинета: высокие стеллажи с книгами, широкий массивный стол и пара стульев по разные стороны стола. Мы молча прошли к столу и сели по разные его стороны, не сводя при этом взгляда друг с друга.

– Так, о чем вы хотели поговорить, ваше высокопреосвященство? – я сложила руки на стол ладонями вниз, слегка упираясь на них, чтобы помочь самой себе держать спину прямо, что было сделать довольно непросто по вполне понятным причинам.

Последнее, что мне сейчас хотелось – это чтобы оппонент почувствовал слабость и начал очень сильно давить. Сомневаюсь, что под его напором, я смогу продержаться хоть сколько-нибудь долго.

– Катерина, что ты творишь? – он без всяких предисловий начал разговор именно как родич, а не как духовное лицо высокого ранга.

Я не помню, чтобы сферы интересов между этими двумя хоть как-то пересекались между собой, кроме того факта, что оба они были Сфорца и он был хм... моим дядей.

– Вы неправильно поставили вопрос, ваше высокопреосвященство, – тихо произнесла я, стараясь не тянуть слова, на что обратила недавно внимание моя компаньонка. Асканио Сфорца от моего ответа немного поморщился, видимо, не таким он ждал моего первого ответа, но больше своего раздражения никоем образом не показал.

– Хорошо, что тебе нужно, такой вопрос будет более уместным? – дядя стал более серьезным, и тут я поняла, что шутки закончились.

– Как только я вошла в этот замок, мои требования были озвучены в первые же секунды. Но вы их не выполнили, и продолжаете ломать комедию, заявляя, что я своим шагом пытаюсь влиять на выборы папы, оказывая на вас давление. Мне абсолютно безразлично, кто займет святой престол. – Надеюсь, что я ничего не напутала, и хоть один из исторических фактов окажется правдив.

– Со стороны так не кажется. Церковь в лице священной коллегии кардиналов не пойдет на твои требования, тем самым поддавшись давлению и шантажу, – он достал из кармана какой-то конверт и положил его на стол, слегка пододвинув его в мою сторону.

– Тем не менее, вы действуете от обратного. Давите на капитан-генерала, чтобы он снял с себя полномочия гонфалоньера, в обмен на что? На земли, которые и так принадлежат Риарио? На отступные в какие-то жалкие четыре тысячи дукатов? Да мое свадебное платье и украшения стоили дороже, – судя по тому, как непроизвольно дернулась у него щека, он немного

занервничал после моих слов, видимо, в данный момент он думал, что Риарио действительно держит со мной связь и каким-то образом передает мне информацию и свои приказы.

Чего он никак не ожидал, это того, что преданная Сфорца до мозга костей Катерина откуда-то узнает о давлении на Риарио и... оскорбится. Главное не переиграть, чтобы меня после этого разговора действительно не казнили прямо в центральном двореике этого же замка.

– Граф Риарио дал свое согласие на наше предложение, в обмен на твою неприкосновенность, когда ты покинешь, наконец, замок, – Асканио продолжал гипнотизировать меня своим ледяным взглядом, периодически переводя его на конверт, мол, не хочешь ознакомиться, очень интересное чтиво, не пожалеешь.

– Вы что, стараетесь манипулировать им, в обмен на сохранение моей жизни? – я даже слегка рассмеялась от такой новости. – Позвольте, жизнь женщины мало что значит в обществе. Тем более, свой долг я уже исполнила, родив ему наследника, а от брака со мной Риарио больше никакой выгоды не получает. Сфорца никогда не жаловали ни Риарио, ни делла Ровери. – Я проводила взглядом конверт, который Асканио пододвинул ко мне еще ближе, но не стремилась его открывать. Всему свое время. Нужно помурьжить дядюшку, чтобы он стал более сговорчивым.

– А ты изменилась, Катерина, – он прямо посмотрел на меня и покачал головой. – Раньше, ты не была столько упряма в своих убеждениях. Мы с Людовико выдавали тебя замуж за Риарио не для того, чтобы ты его защищала. И до недавнего времени ты полностью справлялась с возложенной на тебя миссией. Что произошло такого, чего мы не знаем, и ты поменяла свое отношение к человеку, которого всю свою жизнь ненавидела? – он, прищурившись, ждал от меня хоть каких-то эмоций. Серьезно?

Да я понятия не имею ни о чем ты говоришь, ни о ком, поэтому кроме холодного безразличия ты ни черта на моем лице не прочитаешь. Но вот эти слова кое-что проясняли, например, то, что Катерина постоянно что-то строчила и отправляла письма Людовико не реже раза в неделю, хотя и не видела его с тех времен, когда покинула Милан. Довольно интересная и щекотливая ситуация получается. Тем более, что содержимое этих писем не сохранилось и про что она писала, я не знаю.

– Сикст умер, теперь в качестве шпиона в Ватикане я вам не нужна, – я пожала плечами и усмехнулась. – И я трезво смотрю на происходящее. Риарио мой законный супруг, как бы я к нему не относилась, и именно он должен будет содержать меня и моих детей. Ни вы, ваше высокопреосвященство, ни тем более Людовико этого делать не будете. Вы хотите, чтобы я, всегда преданно служившая Сфорца, теперь осталась ни с чем, да еще и супругом-тираном? Вы слишком узко мыслите, ваше высокопреосвященство, надеясь, что я проникнусь вашими сладкими речами по поводу того, что Риарио я слишком дорога.

– Ты все же больше дочь своего отца, чем Людовико его брат, – он слегка наклонился вперед. Взгляд его изменился, он прошелся по мне снизу-вверх, как сканером, словно пытался заново меня изучить.

– Я жена своего мужа, ваше высокопреосвященство, – спокойно ответила я и указательным пальцем пододвинула ему конверт обратно. Было интересно, что там написано, но судя по всему, это был некий рычаг давления, который не будет давить на горло сильно, если о нем не знать. Тем более, что, скорее всего, озвучивать содержимое Асканио не станет, слишком конфиденциальная информация в нем содержалась, а у стен, особенно в самом центре гадюшника, где интриги и мысль о переворотах впитываются с молоком кормилицы, имеются очень длинные уши. – Знаете, я, наверное, скорректирую свои требования, раз вы сами подвели меня к этой мысли.

– Да? И что еще родит твой измученной беременностью мозг? – он рассмеялся и вольготно откинулся на высокую спинку стула.

– Все выполненные требования должны быть узаконены и подписаны всей коллегией кардиналов, которые состоят в конклаве, под официальной пометкой от лица будущего папы, чтобы вы потом не смогли порвать наше соглашение, ссылаясь на недействующий сан. Кардинал Асканио, всех членов, а их, если я не ошибаюсь, тридцать два. – Я взяла с стола лист чистой бумаги и пододвинула его вместе с пером и чернильницей к опешившему Сфорца. – Думаю, вам следует все записать, чтобы ничего не упустить.

– Но членов конклава всего двадцать пять, – он смотрел на меня, не мигая, видимо начиная что-то понимать. Вот бы мне его озарение в понимании происходящего, в голове вспыхнул жар и мне стало внезапно сильно душно, захотелось снять с себя это чертово платье и просто плеснуть на лицо холодной водой.

– Семь заочных членов конклава так же должны поставить свои подписи. – Пояснила я. – Не забывайте, кто мой муж, ваше высокопреосвященство, поэтому не следует вам так искренне удивляться.

– Ты идешь против церкви, Катерина, – прошипел он. – Не следует тебе гневить бога.

– Я нахожусь по другую сторону церкви, как только умер Сикст, а вам стало наплевать на безопасность своей племянницы, ваше высокопреосвященство. Я укрылась в замке не для того, чтобы давить на вас, а, чтобы защититься от толпы, которую вы натравили на Риарио и вместе с ним и на меня тоже. Единственным моим условием было, чтобы вы собрали ваш конклав и выбрали хоть кого-нибудь, потому что все волнения сразу же прекратились бы, как только понтифик показался народу, потому что за этим в город вошла бы армия, которую вы, по какой-то причине даже от ворот убрали. Тогда я бы спокойно вернулась домой, к детям и мужу. Вы же придумали собственные сказки и сами в них поверили. А теперь поздно, не следовало манипулировать ни мной, ни Риарио. Записывайте, – меня начали захлестывать эмоции, которых я сама от себя не ожидала. Злость и какая-то иррациональная агрессия выливались на Асканио, который прекрасно почувствовал смену моего настроения и взял в руки перо, окунув его в чернильницу с таким видом, словно хотел, чтобы я элементарно заткнулась. Неужели беременность все-таки дает о себе знать, раньше я не страдала такими вспышками гнева. Я пыталась заставить себя успокоиться и взять в руки, но еще больше раздувала тот огонь, что полыхал в груди. – Первое. Все земли Форли и Имолы официально и законно за подписями кардиналов будут безвозмездно переданы Джироламо Риарио Дела Ровели без права изъять их после выборов понтифика. Второе. Вы выплатите лично мне, Катерине Сфорца, десять тысяч дукатов отступных. Третье. От лица коллегии кардиналов и будущего папы материальный ущерб от разграбления палаццо Риарио в Риме должен быть полностью компенсирован. Точную опись потерянного имущества и его стоимость, включая оценку самого палаццо, вам предоставит юрист Риарио в Форли. И четвертое. Должность капитан-генерала будет сохраняться за Риарио до тех пор, пока он либо не снимет добровольно эту должность с себя после выбора понтифика, либо пока новый понтифик не снимет его с этой должности. Вы все успели записать, ваше высокопреосвященство? – я пыталась остановиться, но меня уже несло.

– Ты...

– Если бумага с дарственной, деньгами и двумя расписками не будет предоставлена в течение двадцати четырех часов, я покину замок, предварительно сравнив его с землей, вам все понятно, дядя? И да, карой небесной не следует мне сейчас грозить, вы находитесь на вражеской территории под пристальным наблюдением больше сотни наемников, которые подчиняются мне, как голосу их капитан-генерала, от лица которого я нахожусь здесь. Вы не понтифик и не можете приказывать им от его лица.

Он резко встал, привычным жестом подхватывая свои официальные одеяния, и подошел к двери.

– Мы не закончили, сеньора. Не следует идти против церкви, это может очень плохо кончиться, не только для вашего мужа, с которым уже и так все решено, но и для вас лично, – он открыл дверь.

– Не следует мне угрожать, кардинал Асканио. Вы же, насколько мне известно, свое звание получили не совсем законным путем, а скелеты в шкафу есть у каждого, только не у всех они хорошо спрятаны, – прорычала я ему вслед. Он ничего не ответил и вышел, громко хлопнув дверью, в которую полетела чернильница, разлетевшись от удара на мелкие осколки, окрашивая черными неаккуратными брызгами стены и пол.

В голове шумело, сердце бешено колотилось в груди. От осознания, что я напортачила, проявив не самые лучшие свои качества, усиленные гормонами, с которыми мой организм никогда не встречался, и неизвестными до недавнего времени некоторыми чертами характера, становилось очень гадко. И теперь меня грызли сомнения, смогу ли я выбраться из этой западни, в которую я загнала не только себя, но и мужа подтянула следом, хотя не о нем следует сейчас думать.

Жар постепенно уходил, а мысли и эмоции приходили в свое обычное состояние.

Остается только ждать, но просто ждать, сложа руки, я не стану. Подкоп что ли вырыть какой? Я усмехнулась своим мыслям и взяла-таки конверт, который Асканио оставил сиротливо лежать на столе.

Прочитав содержимое, я глубоко задумалась. Что именно этим пытался сказать мне мой дядя?

Глава 4

Иван

Поговорить нормально с Еленой у меня так и не получилось. Она со мной разговаривать не была намерена, отвечала односложно и словно по принуждению. Дмитрий же был слишком мал, чтобы я что-то мог сделать, кроме как недолго подержать ребенка на руках. Никакого умиления во мне не возникло, может, потому, что это был совершенно чужой ребенок. У меня был опыт старшего брата, а вот побывать отцом до этого момента как-то не довелось.

Вообще, когда я сел за накрытый стол, то с некоторым удивлением отметил, что на мгновение отвлекшись, сам не понимая как, занял место во главе стола. А перед этим повернулся к иконам в углу и широко перекрестился, склонив голову.

Оказывается, у тела сохранилась определенная память, и нужно было всего лишь не мешать ему выполнять то или иное действие. Возникал вопрос, и каким образом мне отключить голову и не думать вовсе, чтобы никак телу не мешать? Пока ответ на этот вопрос оставался риторическим.

А вот, когда я взял на руки Дмитрия, то не заметил вообще никакого отклика, словно Ивану сын был безразличен. И даже таким элементарным делом, как время от времени забирать у кормилицы ребенка, чтобы познакомиться с ним поближе, он не занимался.

Внезапно, сидя за столом и глядя на совершенно непривычную для меня пищу, я разозлился. Меня разозлила эта инфантильность Ивана, который, похоже, жил – словно по течению плыл, выполняя волю отца, а своей и вовсе не имея.

Единственный раз он проявил характер, когда стоял на Угре. И то, если бы Холмский не принял его сторону, не известно, чем бы там дело кончилось.

– Что-то я перехотел есть, спасибо тебе, хозяйюшка, за привет, – не скрывая издевательского сарказма, я легко поклонился. После чего, встал из-за стола и направился вон из светлицы.

Елена осталась сидеть на своем месте за столом, не двинувшись, ни чтобы меня остановить, ни попрощаться. Просто охрененная семейная жизнь, слов нет. Недаром в сказках все дело свадьбой кончается, а вот что после происходит – знать никому не обязательно.

И ведь ни один летописец не написал, падлы они все, что живи Иван и Лена в мое время, то уже давно бы развелись к чертовой матери.

Не в самом радостном расположении духа я вышел из терема и осмотрелся. Никиты нигде видно не было, наверное, решил, что я могу задержаться в тереме у жены и куда-то свалил пожрать. Возвращаться в маленькую душную комнату с крохотными слюдяными окнами не хотелось, а для того, чтобы не возвращаться, нужно было придумать себе занятие.

– Тебе коня седлать, княжич? – ко мне подошел хмурый молодой мужчина. Определить возраст правильно, учитывая повсеместную растительность на лицах, я не мог, но, вроде бы, моложе тридцатника. В небогатом, но чистом кафтане, с шапкой темно-русых, я бы даже сказал, серых волос на голове.

– А, седлай, – я махнул рукой, направляясь следом за этим мужчиной, хотя понятия не имел, кто это такой. Зато заурчавший живот быстро вернул меня к мысли, что есть все-таки хочется.

Пока шел за своим невольным провожатым, сунул руку и нащупал несколько мелких монеток. Они ощущались под пальцами, как рыба чешуя. На какой-нибудь пирожок должно хватить, я надеюсь.

В конюшню я не пошел, остался ждать снаружи. Сейчас наступит момент истины: или я смогу удержаться в седле, потому что это мог делать Иван, или даже взобраться на лошадь не смогу. И тем самым весьма повеселю шмыгавшую туда-сюда дворню, растянувшись в пыли.

– Сергей! – раздался зычный голос из-за конюшни. И лишь спустя почти полминуты, в поле моего зрения показался его обладатель – грузный мужик, с отвислыми щеками и пузом, которое даже кафтан не мог скрыть. – Волков! Вот пёсий сын, где его черти носят?

– Да тут я, боярин, – значит, его зовут Сергей Волков. И он, определенно имеет какое-то отношение к конюшне и лошадям. – Чего вопишь так? Две кобылы чуть не разродились от твоего воя. – А Волков-то этот тот еще тип. Вон как дерзит боярину, и хоть бы хны. Кто он такой на самом деле?

Пока я размышлял над тем, кем мог быть конюх, который вот так запросто мог боярина послать, этот самый конюх появился, ведя под уздцы статного длинного коня. Мы с конем посмотрели друг на друга оценивающе, но наглядеться не успели, потому что Волков подвел его ко мне тем боком, с которого, получается, нужно на эту махину взобраться.

Я вставил ногу в стремя, как видел в кино, закрыл глаза и постарался ни о чем не думать. Тело само взлетело в седло, и, приоткрыв один глаз, я забрал поводья, протягиваемые мне конюхом.

Всё это время боярин молча смотрел на нас, видимо осознал, что пытался поперек княжича влезть. А молчал, надеясь, что я его не замечу или забуду, как он вопил, пока мне коня седлали. Смерив его пристальным взглядом, я повернулся к Волкову.

– Со мной поедешь, – коротко бросил ему, и он, кивнув, побежал на конюшню.

– А кто мне коня оседлает? – нерешительно спросил боярин, переводя взгляд с меня на умчавшегося Сергея.

– А что, Волков один конюший? – я говорил, не сводя с него пристального взгляда. – Ты же мне глаза прямо открыл, боярин, – я благословил про себя манеру общаться, позволяющую обходиться без имен. – Я так и передам Великому князю, что в его конюшне людей почитай-то и нет. Куда только делись, надобно узнать будет.

– Да нет, княжич, зачем Великого князя такими пустяками тревожить? Напутал я что-то, есть, конечно, здесь еще людишки, не только Волков, – боярин махнул рукой и выдал из себя улыбку. – А ты никак прогуляться собрался?

– Верно заметил, боярин, верно, именно что прогуляться, – я кивнул, надеюсь, что благожелательно, и повернулся к воротам конюшни. Оттуда как раз выходил Волков, держа на поводу справную лошадку, но не настолько благородных кровей, как мой жеребец. – Тронули.

И мы выехали со двора. Держался я в седле очень прямо, крепко тиская в руке поводья, на что мой сопровождающий сразу же обратил внимание.

– Что с тобой, княжич? – он нахмурился еще больше, хотя и так был хмурый и сосредоточенный. – Ты словно болями мучишься.

– Так оно и есть, потому и велел седлать коня, чтобы проверить, насколько я могу в седле держаться. А не то князь грозился поход на Тверь отложить, коли я вести армию не сумею.

– А почто рынд своих не кликнул? Я-то один, ежели что и с татями какими не смогу тебе подсобить.

– Да я и не собираюсь далеко ехать, мне бы только себя проверить. Мы же не в Орду собрались, чтобы ты о татях беспокоился.

– Типун тебе на язык, княжич, скажешь тоже про Орду, – он невесело хмыкнул.

– А тебя за что на конюшню определили? Ведь не из дворовой челяди ты, Сергей Волков, – я пристально посмотрел на него, пытаюсь определить, как к нему относиться.

– А разве ты не знаешь? – он задумался, а потом кивнул. – Ну, конечно, ты же тогда на Угре стоял, когда меня за конюха подписали. Из Твери я. Имел землицы вдоволь, пока на нее глаз свой бесстыжий Кротов не положил. А он то давненько уже к Великому князю

Московскому переметнулся, вот и чувствовал вседозволенность. Я-то в Москву за правдой приехал, думал, что рассудит нас князь по совести, только Кротов, пёсий сын, раньше меня успел в уши князю напеть. Тот меня и не выслушал даже, хорошо хоть головы не лишил, а на конюшню отправил.

– Ну и дурак ты, Волков, – я покачал головой. – Ежели Кротов князю Московскому присягнул, то неужто он против него что-то решит? Да ещё и в пользу того, кто до сих пор присягу Михаилу Борисовичу блюдет? Ему нужны верные людишки, особенно в Твери, которая, как и Новгород, вечно пытается из-под руки из-под великокняжеской выйти. Поэтому-то и решил Великий князь в пользу Кротова. А то что живота твоего пощадил, так совесть, видимо, взыграла, – я задумался. – Хотя, я бы казнил.

Он только покосился на меня, и ничего не ответил. Мы проехали мимо Успенского собора, который выглядел уже почти так же, каким я его привык видеть. Ещё немного и мы выехали с территории Кремля.

Обратив внимание на внешнюю стену, я увидел, что Кремль начал строиться. Похоже, я всё-таки увижу привычные мне и царские палаты, и другие строения, которые располагались на довольно большой территории.

Оказавшись за пределами Кремля, я немного ускорил движения коня, который был просто великолепно обучен и реагировал на каждое моё малейшее движение.

Москву я сумел охарактеризовать одним словом «убого». А еще «деревянню». Пока мы ехали по улицам города, я не увидел ни одного каменного строения.

Но это продолжалось до тех пор, пока мы с Волковым не выехали за город. Где совсем рядом с городской стеной раскинулся Свято-Данилов монастырь. Вот он-то был сложен из камня.

А рядом с ним раскинулся рынок. Собственно, именно сюда я и ехал, преследуя несколько целей: посмотреть, чем люди торгуют, из этого можно было сделать очень много выводов, а также, что-нибудь всё-таки поесть.

Торговали всем, чем только можно было: птицей, зерном, овощами. Много с лотков, старясь перекричать друг друга. Шум стоял такой, что захотелось закрыть уши, чтобы хоть немного снизить громкость. Нас сразу окружили лоточники, наперебой предлагая что-нибудь купить. Я выбрал из всей толпы того, кто продавал румяные пирожки, и направил коня к нему.

– С чем пироги? – спросил я его, наклоняясь в седле.

– С ягодой разной, боярин, – тут же ответил молодой совсем парень, у которого даже усы еще не росли. – Вкусные, с пылу с жару.

– Давай, – я кинул ему чешуйку, которую он подхватил и тут же спрятал за щеку. Выхватив лист лопуха, парень сгрузил мне на него четыре пирога, и, сунув в руку, растворился в толпе.

– Дороговато пирожки вышли, – усмехнулся Волков, глядя в след ушедшему торговцу.

– М-да, дороговато, – я слабо разбирался в ценах, поэтому, протянув два пирога изрядно удивившемуся Волкову поехал, сквозь толпу, жуя действительно вкусный пирог. На ходу спрашивал про цены у всех попадающихся мне на пути торговцев. Объехав весь рынок, я уже имел кое-какое представление о местной жизни.

– А ну, куда руки свои поганые протянул? – рык Волкова заставил меня вынырнуть из мыслей. Сергей держал за шиворот оборванного мальчишку, который сразу же начал канючить и весьма активно вырываться. – Я же сейчас тебя до ближайшей мясницкой колоды оттащу и без руки останешься, поганец.

– Кого обокрасть хотел? – деловито спросил я, не собираясь вмешиваться в экзекуцию, даже, если он пацану действительно руку сейчас отрубит. Закон был прост, знаменитый «Судебник» еще не создан – поймали на воровстве, будь добр ответить, да не просто так, а кистью своей заплати материальный и моральный ущерб.

– Тебя, княжич, – думал, что сможет до пояса с заборчика вон того дотянуться, – хмуро ответил Волков. Интересно, а он умеет вообще улыбаться?

– И зачем ему мой пояс? – я даже удивился. – Кошеля я с собой не брал, если только ему сам пояс приглянулся? Ну, тут не думаю, что я не заметил бы, как с меня пояс снимают.

– Пусти, дяденька, – продолжал канючить оборванец. – Не хотел я ничего красть, показалось тебя.

– А, ну и верно, показалось. Так я перекрещусь, чтобы впредь не казалось, – Волков слегка встряхнул его, и тут ветхая ткань не выдержала, и мальчишка повалился на землю, а в руках Волкова остался клочок тряпки. Не дожидаясь, когда его обидчик с лошади соскочит, чтобы снова его поймать, пацан вскочил и побежал мимо торговцев, петляя, как заяц. Волков же усмехнулся, и свистнул ему вслед, что заставило воришку только припустить еще быстрее. – Надо было рынд тебе с собой взять, княжич, тогда не пришлось бы вспоминать, взял с собой кошель али нет.

– Ну, ты прекрасно справился, – я задумался. – А принесешь присягу лично мне, а, Сергей Волков?

– А и принесу, – он махнул рукой, словно шашкой. – И что будешь со мной делать?

– Рынд у меня всего четверо, и те... ну, сам видишь, молодые ещё, учить их и учить, как за княжичем ходить надобно. Пятым будешь.

– Великий князь не обрадуется...

– Он и моему отказу уходить с Угры не обрадовался. Ничего, обойдется, – я очень сильно на это надеюсь, очень-очень сильно. – Ну, а сейчас домой, а то спина у меня разболелась шибко. Надо будет понемногу каждый день выезжать, чтобы снова к седлу себя приучать. – Мы выехали с рынка, когда я покосился на едущего рядом Волкова, прошептав. – М-да, Иван-царевич, и серый волк, всё-таки сказки хоть в чем-то, но правы. Н-но, пошел родимый, – и послал коня рысью, теперь уже с трудом удерживаясь в седле, я направил его к виднеющемуся даже отсюда Кремлю.

Катерина

Я долго думала о том, что делать с письмом, то ли забытым, то ли специально оставленным Асканио на столе. У меня уже голова начала болеть от размышлений. Ради чего он дал ознакомиться мне с этой информацией? То, что по официальной версии этот конвертик так и не был доставлен кардинальскому конклаву по неустановленным причинам, говорит о многом, но в данный момент мне это ни черта не объясняет.

Официальная позиция Людовико Сфорца была понятна и так, без всяких пояснений. Он был против того, чтобы кто-либо, относящийся к семейству Делла Ровери, занял папский престол. И это был далеко не секрет ни для кого.

Но, черт побери, какую двойную игру ведет Асканио, являющийся протеже Борджиа, и причем тут я, мне понятно не было. Слишком мало исходных данных, чтобы сразу отнести Асканио к политическим проституткам. Хотя, он недвусмысленно дал понять, что пытается усидеть на двух стульях одновременно, и будет честно служить тому, кто в итоге победит.

Но какая роль отведена в этом вопросе Катерине и замешан ли в чем-то подобном ее муж? Знать бы еще, что это за фрукт такой. Вот только знакомиться с Джироламо Риарио поближе я пока совершенно не хотела.

Не придумав ничего более умного, я просто спрятала конверт за вырез декольте. Потом избавлюсь от него. Бумага горит хорошо и следов не оставляет. Жаль, что в этой комнате-кабинете камин, стоявший у дальней стены, был не растоплен. Надеюсь, что, находясь при мне, этот конверт сохранится в целостности и сохранности, чтобы потом все-таки сгореть в моих покоях.

Несколько раз глубоко вздохнув, приводя себя в более-менее адекватное состояние, я вышла из полутемного кабинета, возле которого меня все еще ожидал капитан. Дойдя до лестницы, я повернулась к нему.

– Капитан, заблокируйте проход, через который сюда прошел кардинал, и выставите своих людей возле него нести стражу и днем, и ночью. Я не хочу впредь сталкиваться с подобными сюрпризами. Потому что в следующий раз сюда может проникнуть тот, кто хорошо владеет оружием, умеет его применять по назначению, и без сожаления пустит против беспомощной, беременной женщины.

Он смотрел на меня, слегка скривившись. Похоже, его уже до чертиков достали приказы неуравновешенной Катерины, и он ждал, что после разговора с кардиналом, я, наконец-то, сдам замок конклаву, и они смогут отсюда уйти.

– Есть какие-то проблемы, капитан? – я повысила голос, так и не дождавшись никакого ответа.

– Каким образом мы должны это сделать, сеньора? – равнодушно ответил он. – На то, чтобы перекрыть проход, потребуется время.

– Времени у нас предостаточно, капитан. Если же вы не знаете каким образом это сделать, значит, вам всего лишь следует посоветоваться с тем, кто разбирается в этом вопросе. Можете его взорвать, мне безразлично, но, чтобы больше ни одна живая душа без моего ведома не проникла на территорию замка, – в животе несколько раз довольно больно кольнуло, что еще больше меня разозлило.

Мало того, что я по прихоти этой идиотки застряла тут, так еще и физическая форма оставляет желать лучшего. А судя по отношению ко мне капитана наемников, воспринимают меня тут именно, как избалованную графиньку, влиятельные родственники которой заставляют их мириться с ее прихотями. Вокруг нас начали постепенно собираться люди, которые с интересом смотрели на разгорающийся конфликт.

– До меня дошли слухи, сеньора, что граф Риарио отвел войско ещё дальше от Рима и оставил его, скрывшись в резиденции Орсини. Этот поступок не может ни говорить о том, что наше нахождение здесь стратегически не обосновано, не говоря уже о вашем приказе отрезать нам последний путь отхода, если...

– Послушайте меня, капитан...

– Нет, вы отдаете приказы ссылаясь на указания графа Риарао, но от него не было ни единой вести с момента осады замка. Выполнять приказы, идя против церкви, не входит в наши планы. А граф не спешит вмешиваться в созданную им же самим проблему, всё дальше отводя своих людей и укрываясь под защитой Орсини.

Чем дальше он говорил, тем больше начало темнеть у меня в глазах. Вокруг собралась уже довольно большая толпа, которая одобрительно поддакивала каждому слову капитана.

Вот и аукнулись мне мои раздумья насчет него. Не следует больше мешкать. Либо ты, либо тебя. Это не XXI век, пора уже это принять, и понять, что демократия и человеколюбие здесь не в моде, а уважением пользуется только те, кто может показать зубы, главное, чтобы их быстро не выбили.

Слабо понимая, что делаю, поддавшись какому-то импульсу словно продиктованному извне, я резким движением выхватила короткий меч из ножен капитана и приставила его к горлу Бордони, сделав шаг назад. Он изумленно опустил на одно колено, чтобы не создавать лишнее давление на клинок, а вокруг раздался неуверенный ропот.

– Кому вы служите, капитан? – прошипела я, прерывая его пламенную, речь, в которую уже длительное время не вслушивалась.

– Святой церкви, – прохрипел он, а я слегка надавила на оружие.

К моему удивлению никто на защиту своего капитана не спешил. И это, несмотря на то, что толпа все прибывала, как я смогла заметить боковым зрением, не сводя взгляда с опешившего Бордони.

– Кому вы служите, капитан? – еще тише повторила вопрос я. Отвратительная черта, доставшаяся мне от себя самой, говорить тихо, когда находишься на грани бешенства.

– Графу Риарио, – наконец, он понял, каким должен быть правильный ответ на поставленный вопрос, и произнес его, не сводя при этом взгляда с клинка.

– Сколько вы ему служите?

– Три года, – он не делал никаких попыток отбиться или контратаковать, хотя сделать это ему не составило бы никакого труда.

Все же на грани сознания, инстинкт самосохранения настойчиво твердил ему, что, причинив мне вред, отчитываться нужно будет не перед эфемерным богом, которого никто никогда не видел, а перед Риарио, который вполне реален. И находится граф не так уж и далеко. К тому же отличается просто грандиозной фантазией на тему разных пыток.

В глазах капитана я увидела промелькнувший страх, и это наблюдение немного привело меня в чувство. И, хотя, клинок несколько раз предательски дрогнул в моей руке, меч я от горла наемника не отвела.

– За эти три года, Риарио хоть раз сделал хоть что-либо, что могло бы зародить сомнения в его верности святому престолу? Которому от верно служит как капитан-генерал папской армии? – он его боится. По какой причине, неважно, вот именно сейчас это неважно. И мне следует слегка на это надавить. Но, если я ошибаюсь и мои сведения, принесенные вместе со мной из третьего тысячелетия все же окажутся верны, то...

– Нет, сеньора, – с небольшой задержкой ответил он.

– Он хоть раз прятался у вас за спинами, когда вел в бой или отсиживался в обозе, когда вокруг него люди умирали, проигрывая схватку?

– Нет, сеньора. – Ответил он быстро и уверенно, а в глазах появился какой-то нездоровый огонек.

– Он хоть раз за те три года, которые вы ему служите, отдавал вам приказы, которые противоречили здравому смыслу и шли вразрез с вашими убеждениями и принципами? – я немного повысила голос. – Он хоть раз предавал вас, оставляя одних в окружении врагов и сбегал, как трус? Не платил вам? Обманывал? Предавал? – Раздражение и гнев начали уступать место страху, который вопил о том, что я идиотка и доверилась обычной логике, вместо того, чтобы принять на веру, то, что мне было известно про Риарио.

– Нет, сеньора. – Он начал постепенно подниматься с колен, слегка отодвигая рукой острое лезвие от своего горла. Недолго музыка играла... Похоже, я теперь труп, и сомневаюсь, что у меня появится ещё один шанс на чудесное переселение душ.

– Тогда почему вы решили довериться слухам, которые испускают наши недоброжелатели и усомниться в своем генерале, капитан? – буквально прокричала я, надеясь, что меня услышали все собравшие. – Так кому вы все служите?

Я опустила меч и бросила его к ногам Бордони. Капитан смотрел на меня уже не с той неприязнью, которая была в его глазах до этого, а даже с толикой уважения.

– Графу Риарио, – он ответил уверенно и твердо. Сразу после его слов вокруг поднялся невероятный шум, толпа выкрикивала имя гонфалоньера, заводя себя на ровном месте. Вот и поднятый Катериной боевой дух её воинов, который так любили расписывать во всех книжках про Сфорца. Только почему нигде не было дословной инструкции, как именно она это делала?

Я развернулась к капитану спиной и медленно начала подниматься вверх в сторону своих покоев, из которых меня вытащили на встречу с кардиналом.

Удара в спину, которого я все это время ждала, так и не последовало. Молча поднявшись в комнату, я закрыла за собой дверь, прислонившись лбом к прохладной каменной кладке.

Идиотка, какая же я идиотка. А что, если все слухи про Риарио оказались бы верны, и он был просто трусом, которого не уважал никто в этой проклятой богом Италией? Но нет, еще в то время, когда я пыталась разобраться в этой эпохе, постоянно задавалась вопросом, как Сикст доверил армию такому раздолбаю, подмачивая свою и так не слишком чистую репутацию. Да никак бы не доверил, а утопил бы в собственной ванне, после первого же позорно

проваленного задания. Не те это времена, когда над своими детишками тряслись и сопли им вытирали. А до того, как он назначил его капитан-генералом? Он же выполнял разные грязные папские поручения, проколовшись только единожды с Медичи.

Меня продолжала колотить мелкая дрожь от ощущения того, что в данный момент я заигралась и хожу по такому тонкому льду, под который можно провалиться в любой момент.

Я не знаю, сколько времени так простояла, наслаждаясь мгновением прохлады, которая приносила облегчение и очищала голову. Стояла до тех пор, пока в моей многострадальной голове не осталось ни единой мысли.

В себя меня привел звук открывающейся двери, и девичий голос, который продирался сквозь пелену накатывающего отчаянья, заставляя снова сконцентрироваться.

– Сеньора, это было великолепно. Вы выглядели очень уверенно, а тот блеск в глазах, заставил поверить тех, кто до сих пор сомневался в вас, – я отлипла от стены и повернулась в сторону девушки, которая все время ранее находилась рядом со мной, но потом куда-то исчезла. Она очень быстро щебетала, глядя на меня восторженными глазами. – А как вы заставили склониться капитана? Чувствовалась вся сила Сфорца в каждом вашем движении. Ваш супруг может гордиться вами и собой, что не обманулся, отправляя вас с таким сложным поручением. Сеньора, что с вами? Вам плохо? – я позволила ее увести себя под руку и усадить на кровать. Голова кружилась и никак не хотела вставать на место.

– Нет, все хорошо. – Я попыталась встать, но сразу же была усажена заботливой девушкой на место.

– Не стоило вам так нервничать, в вашем положении нужно беречь себя...

– В моем положении нужно выжить и сделать для этого все, что от меня зависит. Чтобы больше я не слышала этой фразы, – довольно резко я прервала свою компаньонку, приложив холодную ладонь ко лбу.

Девушка на грубость никак не отреагировала. И, что-то еще говоря, выпорхнула из комнаты, оставив меня наконец в тишине.

Мысль о том, что кардинальское соборище никак не может устроить конклав, всеми правдами и неправдами пытаюсь отжать у меня старый замок, по сути всего лишь грудку камней, болезненной спицей вонзилось в мозг. Что такого в этом замке, если они не приступают к одной из единственных возложенных на них миссий. Если им так нужно в этот раз провести собрание здесь, то могли бы просто попросить. Я бы с радостью выделила им место во дворе, где они могли бы наораться вдоволь. Но нет, они целенаправленно выгоняют меня отсюда, чтобы... что?

Как меня это раздражает, чего-то не понимать. Эта вся гребанная ситуация мне и раньше ломала мозг, а сейчас я совершенно не могу понять истинную суть вещей.

Дверь снова отворилась, и в комнату вошла уже знакомая мне девушка, несущая довольно большое ведро, наполненное водой. Следом, стараясь на меня не смотреть, вошли ещё две женщины.

Одна с какими-то тряпками и большим тазом в руках. Она поставила таз на стол и, поклонившись, унеслась из комнаты, словно тут находится голодный лев, а не одна безоружная женщина.

Вторая несла поднос, на котором лежала какая-то еда и стоял кувшин. Оставив принесенное, она так же растворилась в тени коридора, не забыв аккуратно закрыть за собой дверь.

Посмотрев на всё это, я поняла, что не ела уже довольно давно, о чём мне начал сигнализировать желудок, как только до него дошел запах жареного мяса.

– Вам нужно поесть, сеньора, – утвердительно сообщила мне девушка, указав рукой в сторону еды. – Вы давно не ели и не спали...

– Сначала мне необходимо облегчиться, – улыбнувшись, я встала с кровати, глядя на эту неутомимую жизненную энергию в человеческом обличье.

– Конечно, я почему-то не подумала об этом, – она пронеслась мимо меня и достала из-под кровати довольно симпатичный и объемный горшок.

Я переводила взгляд с посуды на девушку, не до конца осознавая, что она имеет в виду. Осознание пришло резко и неожиданно, и от него хотелось заплакать и начать биться головой о стену. Каким образом я должна это делать в этом длинном неудобном платье, да еще с огромным животом? Ненавижу средние века.

Глава 5

Иван

Что я люблю, можно сказать, просто обожаю – это регулярную армию. Отдал приказ, готовность сутки на утрясание различных важных вопросов и вперед, выдвинулись из точки А в точку Б. При этом вертикаль власти самая строгая, из всех государственных образований. Лепота. Была бы, будь эта самая регулярная армия создана. А вот нет её и нужно войско «собирать».

Разумеется, ни о каком боевом слаживании речи не идёт, тут вообще нужно Бога молить, чтобы они не передрались между собой.

Хотя, что уж греха таить Иван III сумел хоть немного, но улучшить состояние войска от того, что было, до того, что стало. Хотя бы дворовую конницу собирать не нужно было. А вот пехоту приходилось дожидаться, и это при том, что гонцы понесли по поместьям практически сразу после моего возвращения в Кремль.

– Вот объясни мне, Волков. – Сказал я, раздраженно хлопая по бедру каким-то аналогом нагайки, которую за каким-то хреном забрал из конюшни.

В конюшню же я увязался за уводящим лошадей Сергеем, как только увидел, что людей во дворе заметно прибавилось, о чем меня, похоже, «забыли» уведомить. Пришлось изображать недовольство именно от этой новости.

– Что тебе объяснить, княжич? – Волков встал рядом со мной всё такой же серьёзный, только выглядевший сейчас как бы не уверенней в себе.

– Каким образом до Михаила Борисовича не дойдет весть о том, что войско собирается на него походом идти? – я стукнул слишком сильно и поморщился, это оказывается больно, черт подери.

– Ну-у-у, – протянул Волков. – Никаким.

– Вот именно, никаким. Он успеет приготовиться как следует к осаде, – раздражение усиливалось тем, что два пирожка упавшие в пустой желудок, назвать полноценной едой было никак нельзя, и желудок на это весьма прозрачно намекал, выдавая периодически голодные рулады.

– Либо же его бояре ворота сами откроют, как ни раз уже случалось, – Волков покачал головой. Хоть сам он и был из Твери, но вот о тверских князьях и боярах, похоже, мнение имел не слишком лестное.

– А ежели нет? Ежели именно на этот раз и не получится? И литовец пришлет вовремя подмогу, и ополчение вовремя соберут и даже наряды сумеют на стены вытащить, и что тогда? Мы будем под Тверью стоять дольше, чем на Угре? – я смотрел на ажиотаж, царящий во дворе и не понимал, с чем он связан. Вроде бы Иван обещал мне не начинать сбор войска, пока не убедится, что я смогу держаться в седле, чтобы доехать до Твери и там суметь командовать, опять-таки сидя в седле. Или моя короткая поездка его внезапно убедила, что опасность для моего здоровья несколько преувеличена?

– Ты слишком уж сильно полагаешься на дальновидность Михаила Борисовича, – Волков усмехнулся. – Не замечен он был в таких мудрых решениях ни разу за всё своё княжение. Скорее на Господа нашего будет надежды возлагать, но сам не будет думать о готовности к осаде, даже, если прознает про неё.

– Твои бы слова, да Богу в уши, – тихо проговорил я, глядя как ко мне приближается, судя по одежде, боярин. Но я его не видел на заседании боярской думы. И опять передо мной во весь рост встал вопрос – кто это такой? Волков же, преследив за моим взглядом, присвистнул.

– Ничего себе. Сам Кошкин-Захарьин из Коломны прибыть успел. Да почитай не один, как есть с дворовым войском своим. Неужто великий князь Иван Васильевич, князя Холмского оправить на Тверь хочет?

– Вряд ли, – я покачал головой. – Это будет слишком большим испытанием его преданности. – А тем временем Кошкин-Захарьин приблизился ко мне достаточно близко, чтобы я его разглядел.

Не слишком высок был этот знаменитый воевода. Бороду предпочитал носить аккуратно подстриженной и сужающейся к концу. Немного простоватое лицо и неожиданно цепкие, умные глаза, которые в этот момент смотрели прямо на меня.

– Здравствуй, княжич, а я уж подумал, что не сыскать тебя, потому как даже рынды твои не в курсе, куда же ты подевался, – он остановился и отвесил мне поклон. Я тоже поклонился, правда не настолько низко, все-таки статус у нас различия, и довольно сильно.

– И тебе здравствовать и не хворать, Яков Захарьевич, – когда мне назвали имя, ориентироваться стало гораздо проще. – А не потому ли ты прибыл так спешно из Коломны, да еще и воев с собой захватил знатных, чтобы меня сыскать?

– А коли так? Обскажешь великому князю, как долго я тебя искал? – он хитро улыбнулся. А ведь, кроме все тех же летописных «поехал», «взял», «послан», «умер» ничего о нём не знаю. Даже точная дата его смерти не известна доподлинно. А оказывается, что у него и чувство юмора присутствует.

– Я даже расскажу, как мы с тобой вдвоем от целой своры татей отбивались, и как ты меня израненного на руках из леса вынес, – я улыбнулся, не сводя с него взгляда.

– Почему из леса? – Яков даже удивился, услышав мой ответ.

– Так ведь тати в лесу живут, – я развел руками.

– И что же делал ты в лесу совсем один, княжич? – снова улыбнулся он в бороду.

– Малину собирал. Что-то малинки с утра захотелось, вот и не устоял, да в лес рванул, так быстро, как спина ушибленная позволила, – мы вежливо посмеялись над шутками друг друга, и Кошкин-Захарьин стал серьёзен, словно и не было этого легкого трепа ни о чем.

– Значит, действительно спину ушиб, а зачем на лошадь сегодня полез? – ну, я так и думал, что уже все знают, о моей вылазке в город.

– Чтобы убедиться, что смогу ехать с войском, – я весьма натурально вздохнул.

Вообще-то, я сейчас истинную правду сказал. А так, всё-таки странное время. Ещё какая-то паршивая сотня лет, и главнокомандующего попросту в карету засунут, и в ней повезут, несмотря на его недомогание. Армией кто-то командовать должен? Вот и езжай, а табуреточку тебе на пригорочке, так уж и быть, поставят, чтобы ты командовал со всем комфортом.

Здесь же не так. Раз едешь как воевода, значит, меч в руке должен находиться. В самую мясорубку тебя, естественно никто не пустит, но побиться всё же придётся.

Лично я не считаю этот вариант правильным. А если тебя убьют, то что дальше войско будет делать? Командующий, он затем и нужен, чтобы с пригорочка всю панораму боя видеть и быстро принимать решения, двигая полки таким образом, чтобы в итоге победить.

Ну, на этот счёт русичи все же кое-что придумали: на самом деле всё просто – воевод на любое войско до хрена. И хоть формально они подчиняются главному воеводе, на деле вполне способны подхватить упущенное командование и не дать войску потерпеть поражение, даже, если главный воевода того, покинул своих людей.

– Убедился? – он смерил меня взглядом с ног до головы, и недовольно нахмурился. – А ведь тяжело тебе поездка твоя далась. Но ничего, когда выдвигаться будем готовы, поди боль уже терпимее станет, – Яков замолчал. – Великий князь назначил меня первым воеводой при тебе, княжич. Как узнал он, что встал ты с постели, так сразу гонцов и разослал.

– Это хорошо, – я кивнул. – Славный ты вой, Яков Захарьевич, великий князь мудро поступил, именно тебя первым воеводой назначить.

– Я вот подумал, княжич, пока ехал мимо полей, которые людишки возделывают, и мысль меня посетила, не знаю только одобришь ты или нет.

– Говори свою мысль, – разрешил я поделиться со мной задумкой.

– А что, ежели не брать нам посошную часть? Ежели всех от сохи оторвем, то кто землю будет холить, да за хлебами смотреть? Думаю я, что дворовой конницы будет довольно для Твери-то. Только пару-тройку нарядов осадных с собой взять придётся, но это все равно будет быстрее, чем с посошными грязь месить.

– А ведь не веришь ты, боярин, что Михаил Борисович может сопротивление сильное нам оказать, – я снова ударил нагайкой по бедру, на этот раз рассчитав силы и не долбанув со всей дури.

– Не верю, княжич, – Яков головой покачал. – Князь Тверской еще ни разу даже в осаде не сидел, сразу же город сдавал, стоило нам к нему приблизиться. Зачем ему меняться?

Хороший вопрос. Вот только всякое может случиться, потому что я своим появлением уже разрушил историческую канву. И только потому, что я в упор не помню ни о каком походе на Тверь в 1484 году, то могу предположить, что дядя Миша мог и изменить своим привычкам постоянно сдаваться на милость Ивана III. Вслух же я ответил.

– Действительно, к чему ему меняться? Но насчет посошных, прав ты, боярин, ох как прав, – и я покачал головой. – Не вижу нужды от сохи кого отрывать, особенно, ежели уверен ты, что с Тверью никаких проблем не будет.

– Не будет, княжич, вот тебе крест не будет, – Яков широко перекрестился и, поцеловав массивный крест, висящий на шее, так же быстро как доставал, спрятал обратно под рубаху. – Чай не Новгород это. Вот где повоевать пришлось, да и сейчас беспокойно там, найти бы того песьего сына, кто народ баламутит. Лично бы кишки вытащил на площади и жрать заставил бы. Пойду, расскажу Великому князю о задуманном. Ежели князь одобрит, то так тому и быть. Тогда к концу седмицы уже выехать сможем.

Я почувствовал, как меня снова охватывает вроде бы успокоившаяся паника. Через неделю мы выедем для того, чтобы прижать к ногтю Тверь. А что если я не хочу? Вот просто не хочу и всё тут. И на фоне других членов моего войска, смотрелось это не слишком выгодно для моего имиджа. Картинно упасть что ли? Вот прямо здесь посреди двора, и дрыгнуть ножкой, мол все-таки княжич себя переоценил и теперь мучится сильными болями.

Покосившись на Волкова, я отверг и эту вполне замечательную мысль, и вернулся к более насущным.

– Ну что, Сергей Волков, готов ты мне присягнуть, и под ликами святыми принести клятву верности? – спросил я, при этом весьма пристально изучая выражение его лица.

– Готов, княжич, – он опустил голову, то ли поклонился, то ли просто шея затекла, потому что вскоре поднял ее и буквально обжег меня взглядом. – Уж показалось на мгновение, что передумал ты, и прикажешь на конюшню возвращаться.

– И молчал, – прервал я его речь. – Показалось, что посмеялся я над тобой и молчал. Терпеливый ты, Волков, смотри, как бы боком тебе это однажды не вышло. Пошли.

Дорогу к своей пристройке я запомнил вполне хорошо, и быстро зашагал по двору, бросая то и дело взгляды на прохаживающихся по двору весьма важных и довольно молодых людей. Наверное, это будущие воеводы, те самые, о которых я рассуждал стоя возле конюшни.

Понятное дело, что все войско перед палатами княжескими разместиться не сможет, двор просто не выдержит наплыва, банально не вместив всех, кто в войско входит.

Поэтому и раскинули они лагерь возле того же Свято-Данилова монастыря. Я его заметил, когда мы уезжали, но как-то не придал открывшейся мне картине значения. Теперь полагаю, что зря не придал. Была возможность пообщаться с воинами, составляющими в основном конницу, практически наедине, без пристального ока отцов-командиров.

Все четверо моих рынд занимались всё тем же – они играли в бирюльки. Никита первым заметил меня и подорвался, остальные слегка затормозили, и я все еще не знал их имен.

– Это Сергей Волков, – представил я своего спутника, услышав в ответ что-то вроде: «Да мы знаем, нашел кого в приличный дом тащить», – но сказано было очень тихо, вполголоса, чтобы я не дай бог не расслышал. – Он принесет мне сейчас присягу и станет вашим братом. И этот вопрос не обсуждается, – я прервал Никиту на полуслове, а он реально хотел что-то возразить.

Сама процедура заняла не слишком много времени. Под суровыми взглядами святых, Сергей присягнул мне и, когда он поднялся с колен, я взмахом руки отпустил его. Пускай идет знакомиться, а я пока отдохну, а то что-то действительно спину кольнуло. Да и подумать мне помешало бы, например, о том, что князь-то мне, своему сыну, совсем не доверяет, раз нянькой на этот раз выбрал хоть и отменного воеводу, но обладающего просто собачей преданностью ему Кошкина-Захарьина.

Катерина

Я смотрела на открывшуюся передо мной картину с изумленно приоткрытым ртом. Рот, правда, быстро пришлось закрыть, как только до сознания дошел этот нелицеприятный жест, недостойный женщины моего социального статуса.

Не то, чтобы я целенаправленно что-то искала, бродя по замку. Просто решила немного прогуляться, отвлекаясь от мыслей нецензурного содержания, в которых присутствовало всё, что я думала о этом великолепном веке. Особенно о процветающей в нём комфортности.

И, пока я размышляла, то не заметила, что просто-напросто заблудилась. Географический кретинизм, приправленный безрассудством, двинувший меня бродить по незнакомым местам в одиночестве, был моей фишкой еще до моего появления здесь.

Не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как я покинула свои покои, спокойно пройдя через многочисленных наемников и жителей этого замка. Все они с небывалым энтузиазмом начинали что-то делать, ну, или делать вид, что у них внезапно появились неотложные дела, при моём появлении. Никто меня не остановил, даже приветствовали через раз, видимо, всем было не до меня.

Спускаясь по винтовой лестнице, я встретила единственного человека, который решился со мной заговорить. Им оказался кастелян этого святого гнездышка, который, в отличие от остальных, был не слишком рад, что мы продолжаем находиться в его, так называемой, вотчине.

От него я узнала, что в замке под его руководством находится пятьдесят наемников гарнизона, что считалось небывалой роскошью, а также пятнадцать человек обслуги, которая содержала замок в относительно жилом виде. Двадцать четыре человека подкрепления во главе с капитаном Бордони, спешно отправленных Риарио для моей защиты, я привела с собой, как и пять человек из личного окружения.

Не густо. Даже сотни человек нет. Так, что, вашу мать, мешают им просто взять нас штурмом? Да, за неполные сутки, из моего личного окружения я встретила только с той девушкой, имя которой к своему стыду, всё ещё не знала. Интересно, чем таким важным занимается мое окружение, что никто из них даже ни разу не навестил свою сеньору?

Находясь в собственных мыслях по поводу полностью нелогичной ситуации, я добрела до закрытой двери, ведущей в подвальные помещения.

Я не помнила этой двери в то время, когда нас водили по замку на экскурсии. По-видимому, её нам или целенаправленно не показывали, или по какой-то причине от помещения ничего не осталось.

На входе дежурили двое наемников в стандартном обмундировании, которые вежливо поинтересовались какого хрена сеньоре здесь понадобилось. Отвечать я конечно же не стала,

просто приказала открыть двери, которые те тут же отворили, не вдаваясь в излишние подробности.

Бонфанте Кавалли, так звали ворчливого мужика-кастеляна, хотел было зайти вместе со мной, но мне так надоела его бубнежка, что я просто захлопнула перед его носом дверь.

Один из наемников всё же прошмыгнул следом, ссылаясь на то, что тут не безопасно, и мне не следует находиться одной. Ибо, если со мной что-то случится, ему Риарио отрежет яйца, а это в лучшем случае, если будет не в настроении.

Еще раз подумав о том, что не хочу знакомиться с собственным супругом, я начала спускаться по лестнице, уходящей глубоко вниз. Когда я, наконец, спустилась, то оказалась в сыром темном помещении, где воняло какой-то гнилью вперемешку с плесенью.

Пройдя вглубь помещения, я пыталась взглянуть в темноту. Обернувшись на непривычный звук, я увидела, что наёмник, который вызвался меня сопровождать, зажег факел и встал впереди меня, тем самым освещая небольшое пространство вокруг нас.

– Что вы хотите здесь найти, сеньора? – тихо осведомился он, повернув голову в моём направлении. Если бы я знала, то хотя бы смогла сориентироваться и понять, куда меня занесло. Хотя, массивные решетки, которые теперь удалось разглядеть впереди не оставляли свободу воображению.

– Кто заключен здесь? – так же тихо спросила я, прислушиваясь к шуму. Обоняние от вони словно отрезало, и теперь оно не отвлекало меня от скачущих мыслей.

– Один пленник заключен здесь еще папой Сикстом, – он равнодушно пожал плечами и сделал шаг вперед. – Это турок. И ещё один – местный вольнодумец. Сегодня тут не слишкомлюдно.

Он прошел вглубь этой пещеры и остановился у одной из камер, в которой под неярким светом факела, на полу был виден силуэт лежавшего человека.

Резкий удар по решетке соседней камеры заставил сердце пуститься в пляс и вздрогнуть от неожиданности. Вцепившись в решетку обеими руками, молотя при этом по ней ногами, привлекая тем самым к себе внимание, на меня, оскалившись, смотрел мужчина весьма характерной наружности.

– А ну, тихо, – заорал наемник и ударил рукоятью меча по железным прутьям, заставив тем самым пленника сделать шаг назад и заговорить тихим мягким баритоном на незнакомом мне языке.

– Что он говорит? – я не знала языка, только поняла, что он отдаленно похож на турецкий, возможно, на арабский. Восточные языки меня никогда не интересовали.

– Что женщина, явившаяся перед ним сейчас в том облике, который не родной ей, сможет перевернуть ход истории. Что-то там было про чудо, и разумеется, он очень просит выпустить его отсюда, и тогда, он сможет помочь этой странной женщине в будущем, в котором они обязательно встретятся, – скрипучим голосом, отвыкшим от разговоров, мне ответил довольно молодой на вид мужчина, приблизившись к решетке той камеры, в которую я до этого времени вглядывалась. – Меньше слушайте его. Наш дорогой османский гость уже давно повредился рассудком, но это не его вина, он так же, как и я, невинный заложник неприятной ситуации, и от содержания нас взаперти вы не получите ровным счетом никакой выгоды.

– Кто ты? – я пристально смотрела на парня, который прислонился плечом к решетке, стоя при этом вполоборота ко мне, и внимательно меня рассматривая. Его вольный перевод слов турка немного выбил меня из колеи, но я быстро взяла себя в руки, понимая, что, находясь здесь, можно сойти с ума гораздо быстрее, чем он думал, а для своего освобождения можно рассказывать доверчивым женщинам и не такие сказки.

– Непризнанный художник, немножко поэт и философ, и обычный переводчик, впрочем, не важно, – он махнул рукой.

– И за что вас, непризнанного художника, заключили здесь? Судя по вашему виду, нельзя сказать, что вы томитесь в этих застенках длительное время, – глядя на его наглый взгляд, во мне боролись противоречивые чувства. Но, у меня не было отвращения к нему или каких-то других негативных эмоций, только интерес, перерастающий в непонятную уверенность, что это будет не последняя наша встреча.

– За правду, – довольно серьезно ответил он, буквально прожигая меня на мгновение взглядом.

– И как тебя зовут, борец за правду? – я усмехнулась, не понимая, зачем мне вообще нужен этот разговор.

– Джулиано, сеньора Сфорца, – он шутливо поклонился и, отвернувшись от меня, укрылся в тени своей камеры. Я повернулась к наемнику, который терпеливо ждал, когда мне уже надоест тут околачиваться, но, тем не менее, внешне никаких признаков нетерпения не проявлял.

– Местный баламут. Стал одним из первых зачинщиков смуты возле замка Святого Ангела. Никаких распоряжений не было дано, поэтому мы закинули его сюда, чтобы отодвинуть беспорядки от наших стен. – Увидев направленный на него взгляд, пояснил мне мой сопровождающий.

– Ты против церкви и его служителей? – спросила я в темноту.

– Да мне без разницы, я за того, кто мне платит, – ответил мне местный вольнодумец, больше не выходя на свет. – Но не переживайте за меня, я у вас в гостях долго не задержусь.

– Пойдем отсюда, – я поежилась под дуновением ледяного ветра, который внезапно поднялся в, казалось бы, защищенном от сквозняка месте.

Как только я вышла из застенка темницы, тюрьмы или как бы не называлось это место, дышать сразу стало намного свободнее. Кастеляна возле входа не было, поэтому возвращаться мне пришлось одной, плутая по галереям, уже не надеясь без чьей-либо помощи добраться до своей комнаты, чтобы отдохнуть.

Ребенок в животе отплясывал задорный танец, молотя по моему позвоночнику, поэтому мне пришлось остановиться, чтобы перевести дух и отдышаться, в надежде, что плод любви Катерины и Риарио, наконец, уgomонится.

Я прислонилась к стене, на которой висела какая-то безобразная картина, и покрутив головой, с досадой саданула по ней кулаком. Почему, когда нужен хоть кто-то, чтобы направить меня на правильный путь, то никого, как назло, в зоне видимости никогда не наблюдается.

На ногах я устоять не смогла, когда часть стены отъехала в сторону, оставив меня без опоры, и грузно завалилась на спину в образовавшийся проем. Так быстро, как позволило мне моё состояние, поднявшись, я огляделась. Света из небольшой бойницы в стене хватало, чтобы разглядеть всё, что хранил в себе тайник замка Святого Ангела.

Комната оказалась небольшой. Вдоль стен шли стеллажи с урнами, в некоторых из них я признала выставочные реликтовые образцы с прахом, возможно, ещё с настоящим то ли бывших пап, то ли святых.

Никогда не фанатела от археологии в её некромантских вариациях, поэтому у меня вид этих экспонатов не вызывал благоговейного трепета. В центре этой погребальной комнаты стояло несколько довольно больших и простеньких на вид сундуков. Затравленно оглянувшись и не увидев никого рядом, я подняла крышку ближнего из них и замерла в полном офигевании.

Спустя некоторое время, когда я смогла отойти от увиденного, то принялась собирать мысли в одну кучу, стараясь не заикливаться на содержимом, спрятанных от посторонних глаз сундуков. Они были под завязку набиты золотыми монетами. Взяв одну из монет, я долго пыталась разглядеть при тусклом освещении, что на ней выгравировано. На аверсе был изображен цветок, на реверсе какой-то мужик. Думай, Катя. Вспоминай. Если этот цветок издали

может сойти за лилию, то на реверсе, скорее всего, изображен Иоанн-Креститель. Это же флорин. Полный сундучок золотых флоринов.

Не мешкая, я заглянула в каждый из стоявших рядом сундуков в количестве пяти штук, отметив, что содержимое во всех них абсолютно одинаковое.

Захлопнув крышку первого сундука, я досадливо отметила следы от рук, которые довольно четко отпечатались в пыли. Пыль покрывала всё вокруг. Этим тайником очень давно не пользовались.

Отряхнув руки, я вышла из тайника, и повернулась к открытому в стене проему. Как его закрыть я не представляла, но чисто теоретически, вспоминая свои движения, которые совершала перед чудесным образом открывшемся проходом, я начала лихорадочно ощупывать каждый камень стены, в надежде наткнуться на нужный.

– Вот вы где, сеньора. Мы уже начали волноваться, так давно вас никто не видел. – Я вздрогнула и мельком глянула на рыжий вихрь, который нёсся прямо ко мне.

Черт бы побрал эту девчонку. Когда она нужна, никогда нет рядом, зато сейчас нарисовалась, хрен сотрешь. На мне что, какой-то средневековый маячок припрятан, по которому она всегда отслеживает мое местонахождение?

Неожиданно один из камней довольно легко поддался под рукой, и узкий проход тихо закрылся, даже пыль не поднялась. Я повернулась в сторону девушки, которая была уже практически рядом со мной.

– Я что, маленький ребенок, за которым нужно постоянно следить, чтобы не упустить из вида? – довольно злобно рявкнула я, но девушке, казалось, было всё равно, как с ней разговаривают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.